

Содержание

<i>Глава I.</i> Карма в её воздействии на характер человека	2
<i>Глава II.</i> Каждый велик на своём месте	5
<i>Глава III.</i> Тайна труда	11
<i>Глава IV.</i> Что есть долг?	15
<i>Глава V.</i> Мы помогаем не миру, а самим себе	19
<i>Глава VI.</i> Независимость есть полное самоотречение	22
<i>Глава VII.</i> Свобода	27
<i>Глава VIII.</i> Идеал Карма-йоги	32

Свами Вивекананда

КАРМА-ЙОГА

Глава I

КАРМА В ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА

Слово *карма* происходит от санскритского корня *кри* — действовать. Любое действие есть *карма*. Практически, значение этого слова включает в себя и последствия действий. В философском отношении под кармой иногда понимаются следствия, которые были вызваны нашими действиями в прошлом. Но в *карма-йоге* нам достаточно рассматривать *карму* просто как работу. Человечество стремится к знанию. Это единственный идеал, утверждаемый восточной философией. Человечество стремится не к удовольствию, но к знанию. И удовольствие, и счастье ограничены, поэтому было бы ошибкой превращать удовольствие в цель. Причиной всех бед мира является глупое желание человека представить удовольствие как цель, к которой следует стремиться. Проходит время, и человек обнаруживает, что движется он не к счастью, но к знанию, что и удовольствие, и страдание — великие учителя, что он познает столько же через зло, сколько и через добро. Удовольствие и страдание, проходя пред его душой, оставляют в ней различные отпечатки, которые все вместе складываются в то, что мы зовем «характером» человека. Что такое характер человека, как не сочетание тенденций, не сумма его склонностей? Нетрудно убедиться, что несчастье и счастье играют равную роль в формировании характера. Добро и зло равно влияют на становление

характера, в иных же случаях несчастье учит большему, нежели счастье. Исследуя характеры великих людей, обнаруживаешь, на мой взгляд, что чаще всего они больше почерпнули из бед, чем из счастья, из бедности, чем из благоденствия, что удары судьбы сильнее разожгли в них внутренний огонь, чем хвала.

Но ведь знание изначально присуще человеку. Человек не может получить знание извне, оно в нем самом. Когда мы говорим, что человек «знает», в строго психологическом смысле это означает, что он «открывает», «раскрывает», что он познал, «открыл», снял завесу с собственной души, которая есть кладезь беспредельного знания.

Ньютон, говорим мы, открыл закон всемирного тяготения. Может быть, этот закон прятался где-то в углу, ожидая Ньютона? Нет, он был в уме Ньютона; пришло время, и он его обнаружил. Все знание, каким располагает мир, — из человеческого ума, вся библиотека вселенной находится в вашем собственном уме. Внешний мир может служить лишь побуждением, указанием, толчком к тому, чтобы вы начали исследовать ваш ум, только он является объектом исследования. Падающее яблоко послужило толчком для Ньютона, побудило его изучить свой собственный ум, заново упорядочить все предшествующие цепи мыслей и обнаружить новую связь, которую мы теперь называем законом всемирного тяготения. Этот закон был не в яблоке и не где-нибудь в центре Земли.

Таким образом, все знание — светское или духовное — в уме человека. Оно зачастую остается скрытым под завесой, а когда завеса понемногу приподнимается, говорится, что мы «познаем», и процесс познания идет все больше по мере того, как все сильнее идет процесс раскрытия себя. Человек, освобождающийся от завес, знает много, человек под плотной завесой невежествен, человек, свободный от завес, знает все, он всеведущ. На свете были всеведущие люди, я уверен, что будут еще, а в грядущих циклах времени таких людей будут мириады. Знание существует в уме, как огонь в кремне, а побуждение есть удар, высекающий искру. Спокойно наблюдая за собой, мы увидим, что все наши чувства и действия — слезы и улыбки, радости и горести, плач и смех, проклятия и благословения, хвала и хула — высечены ударами из нас самих. В результате мы становимся тем, что мы есть. Удары же эти, вместе взятые, и есть *карма* — работа, действие. Каждый умственный или физический удар, наносимый душе, удар, высекающий из нее огонь, который раскрывает силу и знание души, есть, в широком смысле слова, *карма*. Иными словами, мы постоянно творим *карму*. Я обращаюсь к вам — это *карма*. Вы меня слушаете — это *карма*. Мы дышим — это

«Карма-йога» составлена на основе записей лекций Вивекананды в Америке и Англии в 1893—1896 гг. На русском языке была опубликована в 1912 г. (Вивекананда Суоми. Карма-йога. М., 1912); известны также публикации 1913, 1916 гг.

Перевод выполнен М. Л. Салганик по изданию: The Complete Works of Swami Vivekananda, v. 1. Calcutta, 1989.

карма. Мы ходим — это карма. Все, что мы делаем физически или духовно, есть карма, оставляющая свои отпечатки в нас.

Есть действия, которые вбирают в себя, суммируют множество действий более мелких. Когда стоишь на морском берегу, о который разбиваются с ревом волны, то ведь знаешь, что каждая волна состоит из маленьких волн, из миллионов крохотных волн. Самая крохотная волна тоже производит шум, но мы его не улавливаем. Мы слышим их тогда, когда они сливаются в одну большую. Подобным же образом каждый удар нашего сердца есть работа. Существуют действия, которые мы сознаем, и они становятся ощутимы для нас, однако состоят они из множества мелких действий. Если вы хотите реально судить о характере человека, то обращайтесь внимание не на его большие дела — каждый глупец может случайно стать героем. Понаблюдайте за самыми обыкновенными поступками человека, ибо именно в них проявляется настоящее величие. Великие события способны и самого низкого из людей поднять до своего уровня, но по-настоящему велик лишь тот, чье величие проявляется постоянно, кто всегда остается собой.

Воздействие кармы на человеческий характер есть могущественнейшая из сил, с которой сталкивается человек. Человек представляет собой, так сказать, некий центр, сосредоточивающий вокруг себя все силы вселенной. В этом центре они сливаются воедино и расходятся мощным излучением. Таким центром является *подлинный* человек, всемогущий и всеведущий, и он притягивает к себе всю вселенную. Добро и зло, счастье и несчастье — все стекается и льнет к нему, а он формирует могучую тенденцию, называемую характером, и излучает ее. Он обладает и силой притяжения, и силой излучения.

Все действия, наблюдаемые нами в мире, все общественные движения, все поступки людей — это всего лишь наглядное проявление мысли, проявление человеческой воли. Машины, инструменты, города, корабли и крейсера — проявление человеческой воли; воля же формируется характером, а характер — производное кармы. Какова карма, таково проявление воли. Все люди могучей воли, которых знал мир, были люди великого труда, гигантские души, наделенные волей, достаточной, чтобы перевернуть миры, волей, выработанной неустанным трудом в течение веков. Гигантскую волю Будды или Иисуса невозможно наработать за одну жизнь, а тем более нам известно, кем были их отцы. Их отцы ни словом не обмолвились о благе человечества. Сколько было таких плотников, как Иосиф, сколько их сейчас? А сколько мелких князьков типа отца Будды? Если бы дело было только в передаче наследственности, чем объяснить, что князек, которого едва ли слушались его же слуги, дал жизнь сыну, почитаемому половиной мира? Чем объяснить пропасть между плотником и его сыном, которому миллионы поклоняются как Богу? Теория наследственности здесь ничего не объясняет. Откуда взялась колоссальная воля, которую излучили в мир Будда и Иисус? Как образовалась эта концентрация энергии? Она должна была накапливаться веками, постоянно усиливаясь, чтобы потом излиться на человечество в Будде или Иисусе, распространяться все шире, достигнув и наших дней.

Все это было результатом *кармы*, работы. Невозможно обладать тем, что не заработано. Таков вечный закон. Нам может иной раз казаться, будто это не так, но в конечном счете мы убеждаемся в его непреложности. Бывает, что человек всю жизнь стремится разбогатеть, обманывает ради этого тысячи людей, но потом обнаруживает, что богатство он не заслужил, и это начинает отягощать его жизнь. Мы можем обзаводиться вещами, доставляющими нам физическое наслаждение, но по-настоящему принадлежит нам лишь то, что мы заработали. Глупец может скупить все книги на свете и держать их в своей библиотеке, но прочесть он сумеет только те, которых он достоин, а каких он достоин, определяется кармой. Наша карма определяет, чего мы заслуживаем и что мы способны впитать в себя. Мы сами делаем себя такими, какие мы есть, и кем бы мы ни пожелали стать, у нас достаточно сил для этого. Если то, что мы собою представляем, есть результат наших собственных прошлых действий, значит, то, кем мы станем в будущем, зависит от наших нынешних действий, следовательно, нам нужно знать, как действовать. Вы скажете — чего ради учиться тому, как действовать? И без того всякий действует, как умеет! Но ведь существует и опасность распыления энергии. В «Бхагавадгите»¹ сказано, что карма-йога — это умелая работа, наука; зная, как трудиться, можно достичь наивысших результатов. Надо помнить, что смысл труда в том, чтобы использовать энергию, заключенную в уме, для пробуждения души. Эта энергия, как и знание, — внутри нас, и разного рода действия проявляют их, подобно ударам по кремню, высекающим огонь, пробуждают эти могучие силы.

Существуют различные мотивации, побуждающие человека трудиться. Нет труда без мотивации. Иные стремятся к славе и трудятся ради нее. Другие стремятся к деньгам и трудятся из-за денег. Кто-то жаждет власти и трудится, чтобы добиться власти. Кому-то хочется попасть на небеса, и он трудится во имя этого. Еще кому-то хочется, чтобы имя его не было забыто, когда он умрет, как это делается в Китае, где почетные титулы даются только посмертно, что, по сути, лучше, чем то, что происходит у нас. В Китае, если человек составит себе доброе имя, почетный титул дается по покойному отцу или же деду. Некоторые трудятся ради этого. Последователи ряда школ ислама работают

¹ *Бхагавадгита*, или Гита, — «Божественная Песнь», «Песнь Бога», является одним из наиболее авторитетных произведений индуистской литературы. Обычно датируется II в. до н.э. — II в.н.э. Сюжетную линию Бхагавадгиты составляет диалог бога Шри Кришны с вонителем Арджуной, чей «разум смутился» перед началом битвы, в которой должны принимать участие родственники, волей судьбы оказавшиеся непримиримыми противниками. Разъяснения Шри Кришны истинной природы мира и человека, путей постижения первоосновы мира и пр. и составляют философское содержание поэмы.

всю жизнь ради сооружения пышного надгробия после смерти. Я знаю даже такие секты, где при рождении ребенка ему сразу начинают готовить надгробие, и считается, что это важнейшее дело жизни, причем надгробие тем пышнее и больше, чем богаче был человек. Бывает покаянный труд: сначала человек творит всяческие безобразия, а потом строит храм или откупается, давая деньги священнослужителям, чтобы они выправили ему паспорт в рай. Ему кажется, что благотворительность такого рода очищает его, освобождает от грехов. Таковы некоторые мотивации труда.

Трудитесь ради труда. Есть такие люди в каждой стране — поистине, соль земли, которые трудятся ради того, чтобы трудиться, не заботясь ни о добром имени, ни о славе, ни даже о том, чтобы попасть на небеса. Они трудятся потому, что знают — это хорошо. Есть и другие, кто помогает бедным или из самых высоких побуждений творит добро для человечества, потому что верит в добрые дела и любит добро. Стремление к известности, как правило, не приносит плодов немедленно, слава приходит к нам, когда мы стары и готовы проститься с жизнью. Но разве человек ничего не получает от бескорыстного труда? Он получает наивысшую награду. Больше всего получает человек от бескорыстия, но людям недостает терпения следовать ему постоянно. Бескорыстие и для здоровья полезней всего. Любовь, правдивость, бескорыстие — это не просто моральные риторические фигуры, но наивысший идеал, ибо через них проявляется огромная энергия. Человек, способный совершенно бескорыстно трудиться пять дней или хоть пять минут, не думая о будущем, о небесах, о каре и прочих вещах, обладает потенциалом нравственного колосса. Это очень трудно, но в глубине души мы знаем, как это ценно и сколько в этом доброго. Это огромное самообладание; в самоконтроле, умении владеть собой проявляется больше силы, чем в любом внешнем действии. Колесница, запряженная четверкой коней, может безудержно мчаться под гору, но возничий может и сдерживать бег коней. В чем больше проявилось силы: в том, чтобы отпустить вожжи, или в том, чтобы натянуть их? Одно пушечное ядро летит далеко и падает, другое летит недалеко и ударяется в стену, испуская много тепла. Вся внешняя энергия, затрачиваемая на корыстное действие, уходит впустую и уже не возвратится к вам, энергия сдержанная — увеличится, придавая вам сил. Этот самоконтроль вырабатывает могучую волю, характер, которым обладали Будда и Иисус. Глупец не знает эту тайну, но именно глупцы и желают править человечеством. Но и глупец способен править целым миром, если ему достанет трудолюбия и терпения. Пусть подождет он несколько лет, удерживаясь от глупой мысли править, и, когда он полностью освободится от нее, он обретет силу в мире. Как есть животные, которые могут видеть лишь на несколько шагов вперед, так большинство из нас может лишь на несколько лет видеть свое будущее. Маленький кружок — вот и весь наш мир. Нам не хватает терпения взглянуть за его пределы, поэтому мы становимся безнравственными и злыми. В этом наша слабость, наше бессилие.

Даже самую черную работу не следует презирать. Пускай тот, кто не знает ничего лучшего, трудится из корыстных соображений, ради известности и славы, но нужно постоянно стараться приблизиться ко все более высоким целям и стараться понять, в чем они. «Только на труд имеем мы право, но не на плоды его»². Оставим эти плоды. Зачем думать о результатах действий? Если хотите помочь человеку, никогда не думайте о том, как он отнесется к вам. Если хотите творить великое или доброе, не занимайте себя мыслями о результатах.

Однако возникает нелегкий вопрос об идеале труда. Постоянная деятельность нам необходима, мы должны все время что-то делать, нам и минуты не прожить без работы. А что же отдых? Одна сторона жизненной борьбы — труд, который нас захватывает. Но есть и другая ее сторона — спокойствие, уход, отрешение от суеты: все вокруг дышит покоем, шум и грохот почти не слышны, кругом одни лишь животные, цветы, горы... Ни та, ни другая сторона не дает совершенной картины жизни. Привыкший к одиночеству не выдержит жизненной суеты, он надломится, соприкоснувшись с ней: как глубоководная рыба, вытасненная на поверхность, разрывается, лишенная привычной для нее тяжести. А может ли человек, приученный к суете и шуму жизни, спокойно жить в уединенном уголке? Ему будет очень тяжело, он даже может лишиться ума. Идеальный человек тот, кто интенсивно активен в тиши и одиночестве и кто в разгар напряженнейшей деятельности способен ощутить тишину и одиночество пустыни. Он познал тайну сдержанности, он контролирует себя. Он шагает по улицам большого города, запруженного транспортом, а ум его так спокоен, как если бы его окружало безмолвие горной пещеры, но в то же время он напряженно трудится. Вот идеал карма-йоги, и если вы достигли его, вы действительно познали тайну труда.

Но начинать надо сначала, по мере необходимости совершая поступок за поступком и постепенно, день ото дня, делая себя все более бескорыстным. Работая, нужно находить мотивы своих побуждений. В первое время мы почти неизбежно обнаруживаем, что все наши мотивы корыстны, однако настойчивость может понемногу преодолеть корыстность мотиваций, пока не наступит час, когда мы научимся бескорыстному труду. Для всякого есть надежда, что день придет и он начнет трудиться совершенно бескорыстно. В тот миг, когда это происходит, происходит и концентрация всей нашей энергии, тогда обнаруживает себя все знание, которое было скрыто в нас.

² Пересказ Бхагавадгиты, II, 47. Здесь и далее следует учитывать, что в индийской традиции понятие «карма» шире, чем только «труд».

Глава II

КАЖДЫЙ ВЕЛИК НА СВОЕМ МЕСТЕ

В соответствии с философией *санкхья*³ природа есть взаимодействие трех сил, которые на санскрите называются *саттва*, *раджас* и *тамас*. Их проявления в физическом мире можно назвать равновесием, действием и инертностью. *Тамас* — темнота и бездействие, *раджас* — действие, выраженное через притяжение или отталкивание, а *саттва* — равновесие между тем и другим.

Три силы взаимодействуют в каждом человеке. По временам тамас берет верх — мы становимся ленивыми, нам не хочется двигаться, мы теряем активность, нас сковывают какие-то мысли или просто вялость. В другое время в нас преобладает активное начало или же мы испытываем состояние равновесия. Обычно в человеке доминирует одна из трех сил: для одного характерна лень и вялость, для другого — активность и энергичность, некоторые же проявляют нежность, мягкость и спокойствие, свидетельствующие о равновесии активного и инертного начала. Это относится ко всему живому — в животных, растениях, человеке более или менее типически сочетаются три силы.

Карма-йога уделяет особое внимание взаимодействию этих трех факторов. Помогая нам учиться использовать их, она помогает нам лучше делать наше дело. Человеческое сообщество — сложная организация. Мы все знаем о морали, мы все знаем о долге, но в различных странах мораль имеет разное значение. Что считается моральным в одной стране, может быть совершенно аморальным в другой. Например, в одной стране разрешены браки между двоюродными братьями и сестрами, в другой — они считаются недопустимыми; в одной стране мужчина может жениться на своей невестке, в другой это невозможно; где-то узаконен только один брак, еще где-то их может быть несколько и так далее. Это относится и к другим моральным нормам — они сильно различаются. Тем не менее, мы считаем, что должны быть и какие-то всеобщие моральные нормы.

То же можно сказать и о долге. У разных народов разные представления о том, что такое долг. В одной стране человека могут обвинить в том, что он поступил неправильно, если он не делает определенных вещей, в другой же — его осудят за то, что он именно эти вещи и делает; и все же мы знаем, что должно существовать всеобщее представление о долге. Аналогичным образом даже в одном обществе какая-то социальная группа считает определенные действия своим долгом, а другая — стоит на противоположной точке зрения и была бы шокирована, если бы эти действия пришлось совершать ей. Перед нами два пути — путь людей невежественных, которые считают, что существует лишь один способ постижения истины, а все остальные ошибочны, и путь людей мудрых, которые признают, что могут существовать различные толкования долга и морали, зависящие от склада нашего ума и образа жизни. Важно понимать, что существуют градации долга и морали; и то, что есть долг в одних обстоятельствах, может не быть таковым в других.

Например, все великие учителя учат: не противься злу, непотворение есть высочайший моральный идеал. Мы прекрасно понимаем, что если бы значительное число людей попыталось полностью осуществить этот завет на практике, то общественная структура распалась бы, дурные люди предъявили бы права на наше имущество и жизни и делали бы с нами все, что захотели. Если бы такого рода непотворение практиковалось даже в течение одного дня, он закончился бы катастрофой. И все же интуитивно, в глубине души, мы приемлем истинность завета — не противься злу. Он кажется нам высочайшим идеалом, и в то же время мы понимаем, что проповедь этой доктрины равнозначна приговору для большей части человечества. И не только это: каждый будет постоянно чувствовать себя виноватым, каждый станет без конца проверять всякое свое действие, что приведет к слабости, а вечное недовольство собой породит больше пороков, чем любая другая слабость. Человек, начав ненавидеть себя, распаивает врата к своей гибели, это справедливо и в отношении народов.

³ *Санкхья* — одна из систем классической индийской философии. Зародилась в VII — III вв. до н. э. Санкхья в том ее варианте, который утвердился в раннем средневековье, постулирует наличие двух независимых реальностей: *пуруши* (чистого сознания) и *праkritи* (материи). Пуруша находится вне мира объектов, он не затрагивается их действиями и не вовлекается в проявления материального мира. Праkritи не обладает интеллектуальной силой, но наделена неисчерпаемой энергией и способностью к модификациям. Человек как носитель вечного, нематериального начала, как пуруша, ошибочно соотносит себя со своим телом, то есть с невечной, материальной сущностью. Задача его в том и состоит, чтобы преодолеть это ложное смешение «Я» и «не-Я», обманчивое отождествление вечного, бездеятельного, сознательного пуруши с проявлениями активного материального начала, лишённого сознания, праkritи. Санкхья разработала учение о трехгунной природе материального мира: праkritи состоит из трех гун с различными функциями (*саттва* стремится «являть», *раджас* — «побуждать», *тамас* — «подавлять») — учение, воспринятое и другими системами индийской философии. Гуны не являются атрибутами материи, а составляют ее сущность. Каждая из них стремится «подавить», «победить» оставшиеся две. Соответственно, телесная организация человека определяется тем, какая гуна в ней преобладает.

Наш первейший долг — не ненавидеть себя, ибо, чтобы идти вперед, нам нужно прежде всего верить в себя, а затем в Бога. Кто не верит в себя, тот не может верить и в Бога. Поэтому нам остается только одно — признать, что долг и мораль могут разниться в зависимости от обстоятельств; не считать, что человек, противящийся злу, всегда и в принципе не прав, а помнить, что возможны обстоятельства, при которых сопротивление злу может быть его долгом.

При чтении «Бхагавадгиты» у западного читателя может вызвать удивление то, что Кришна во второй главе называет Арджуну ханжой и трусом за его отказ сражаться, то есть оказывать сопротивление, на том основании, что армия противника состоит из друзей и родных Арджуны, а непотворение есть высший идеал любви. Это великий урок для всех нас, который показывает нам, что крайности всегда схожи. Крайность в положительном и крайность в отрицательном всегда походят друг на друга. Если колебания световых волн чересчур медленны, наш глаз не воспринимает свет, как не воспринимает он его и тогда, когда они чересчур быстры. Так же и звук — мы не воспринимаем ни очень низкие, ни очень высокие частоты. Такова же и природа отличия между сопротивлением и непотворением. Один не противится злу не потому, что считает это правильным, а потому, что он чересчур ленив, слаб и не в силах противиться; другой же знает, что при желании способен нанести сокрушительный удар, однако не наносит его, а благословляет своих врагов. Кто не оказывает сопротивления из слабости, совершает грех, и для него непотворение не будет благотворным, другой же совершил бы грех, если бы оказал сопротивление. Будда отказался от трона и от своего положения, и это был истинный отказ, однако незачем и говорить об отказе нищего, которому не от чего отказываться. Поэтому нам следует проявлять осторожность в отношении того, что мы имеем в виду, когда начинаем говорить о непотворении и идеальной любви. Прежде всего, необходимо быть уверенными, в силах ли мы оказывать сопротивление или нет. Если мы достаточно сильны, но отказываемся от сопротивления и не оказываем его, то в этом случае мы совершаем великий акт любви. Но если мы не в силах противиться, а обманом внушаем себе, что нами движет мысль о высокой любви, тогда наш поступок приобретает противоположный смысл. Увидев могучее войско, Арджуна испугался; предмет его «любви» заставил его забыть о долге перед страной и царем. Вот почему Кришна назвал его ханжой: ты говоришь как мудрый, но действия твои выдают труса, поэтому иди и сражайся!

Такова главная мысль карма-йоги. Человек, усвоивший ее, понимает, что непотворение есть высочайший идеал, что непотворение есть проявление огромной реальной силы, а также что сопротивление злу есть только шаг к настоящему проявлению силы, то есть к непотворению. Прежде чем достичь высочайшего идеала, человек должен сопротивляться злу, пусть он работает, борется, бьет сплеча. И лишь после того, как он найдет в себе силы противиться злу, непотворение станет добродетелью.

У себя на родине я знал одного человека, человека очень глупого и скучного, ничего не понимавшего и понимать не желавшего, который жил, как животное. Однажды он спросил меня, что ему нужно делать, чтобы познать Бога и достичь внутренней свободы. «Вы умеете врать?» — задал я ему вопрос. Он ответил, что не умеет. «Тогда вам надо научиться, — сказал я. — Лучше говорить неправду, чем быть скотиной или бревном. Вы — вялый человек, вы, конечно, далеки от возвышенного состояния уравновешенности и покоя, которое находится по ту сторону всех действий, вы настолько ленивы, что неспособны даже на дурной поступок». Это был случай экстремальный, и я, разумеется, пошутил, но я хотел, чтобы он понял — человеку необходимо действовать и только через деятельность может он прийти к состоянию уравновешенности.

Следует всячески избегать бездействия. Деятельность, активность непременно означают сопротивление. Противьтесь всякому злу в помыслах и в поступках, и, когда вы научитесь сопротивляться, тогда наступит состояние равновесия. Очень легко сказать: никого не ненавидьте, не противьтесь никакому злу, — но мы же знаем, к чему это приводит на практике. На глазах у людей можно изобразить непотворение злу, но сердце при этом может наполниться злобой. Нам недостает спокойствия, необходимого для непотворения, в душе нам хочется сопротивляться. Если вам хочется разбогатеть, но вы знаете, что общественное мнение против погони за богатством, вы, возможно, и не посмеете дать волю своим желаниям, но в душе вы будете день и ночь мечтать о деньгах. В таком случае это ханжество, не более. Окунитесь в мир, мирские заботы, страдайте и наслаждайтесь всем тем, что есть в нем, и со временем вы придете к отказу от всего, и тогда наступит покой. Так утолите ваше желание власти или еще что-то, а после того, как страсть ваша будет утолена, придет время, и вы поймете ничтожность того, что вы желали; но пока не будет утолено ваше желание, пока не сделаете вы все, что хотели, вам не достичь состояния покоя, уравновешенности, самоотречения. Душевный покой и самоотречение проповедуются тысячи лет, каждый с детства слышал о них, но мы видим, что только немногим удалось достичь этого. Я объездил полмира, но не уверен, встретилось ли мне два десятка людей, которые действительно обладали душевным покоем и способностью к непотворению.

Каждый должен избрать себе собственный идеал и стремиться к его достижению. Это более верный путь прогресса, чем стремиться к идеалу, избранному другими, но для нас недостижимому. Например, если взять маленького ребенка и поставить перед ним задачу — прошагать двадцать миль, то малыш либо не выдержит, либо — один на тысячу — приползет к концу пути полумертвым от усталости. А мы именно это и пытаемся

проделать. В любом обществе люди различаются по уму, способностям, энергии, с которой они действуют, поэтому они и будут стремиться к разным идеалам, и мы не вправе насмехаться ни над одним. Пусть каждый приложит все силы к достижению собственного идеала. Не справедливо судить меня по вашей мерке, а вас — по моей. Нельзя от яблони требовать того же, что от дуба, а от дуба — того, что от яблони. О яблоне и судить надо по яблонемерке, о дубе — по его собственной.

Единство в разнообразии — закон мироздания. Как бы ни отличался один человек от другого, в конечном счете все люди едины в своей основе. Различия в характерах отдельных людей или различия между разными типами людей — это естественные варианты. Значит, и судить мы их не можем по единой мерке, как и ожидать, что все будут стремиться к единому идеалу. Это создало бы противоестественную напряженность, в результате которой человек начинает ненавидеть себя и становится менее религиозным и добрым. Наш долг заключается в том, чтобы каждого человека поощрять в его борьбе за наибольшее приближение к его собственному идеалу, стараясь в то же время приблизить его идеал к истине.

Индусская система моральных ценностей с древнейших времен строилась как раз на этом — в священных книгах и трактатах по этике излагаются различные правила поведения для различных групп людей:⁴ для семьянина, для *саньяси* (человека, отрекшегося от мира), для того, кто познает жизнь.

В соответствии с индусскими священными книгами каждый человек на протяжении своей жизни, помимо общечеловеческих обязанностей, выполняет и специфические обязанности, долг. Индус начинает жизнь с обучения, приобретения знания, затем он обзаводится семьей, к старости он удаляется от дел и, наконец, отрекается от мира, становится саньяси. Для каждой из этих стадий характерны свои обязанности. По сути, ни одна из стадий не выше остальных. Жизнь в семье столь же благородна, как жизнь того, кто принял обет безбрачия, посвятив себя религиозной деятельности. Мусорщик на улице так же велик и славен, как царь на троне. Пусть последний сойдет со ступеней трона и возьмется за уборку улиц — надо еще посмотреть, как он справится. Возведите мусорщика на трон, и посмотрим, как он будет править. Бесплезно говорить, будто человек вне мирской суеи выше того, кто живет в миру, — гораздо труднее жить в миру и чтить Бога, чем отречься от мира и вести свободный и легкий образ жизни. С течением времени четыре стадии человеческой жизни свелись в Индии к двум — жизни семьянина и жизни монаха. Один женится и выполняет обязанности гражданина, долг другого — посвятить всего себя религии, молиться и почитать Бога. Я приведу вам отрывок из «Маха-Нирвана-Тантры»⁵ с тем, чтобы вы получили представление о том, как трудно быть семьянином и в совершенстве выполнять его обязанности:

«Семьянину надлежит быть преданным Богу, познание Бога должно быть целью его жизни. Однако ему надлежит и неустанно трудиться, выполняя все свои обязанности, плоды же его трудов должны принадлежать Богу.

Нет ничего труднее, чем работать, не думая о результатах, помогать людям и никогда не вспоминать, что они должны быть благодарны тебе, совершать добрые дела и не заботиться о том, принесут ли они тебе доброе имя или ничего не дадут. Даже самый большой трус становится храбрецом, когда мир восторгается им. Глупец способен на героизм, когда чувствует одобрение окружающих, но постоянно делать добро, не ожидая ничего одобрения, — это поистине самая большая жертва, на какую способен человек, первейшая обязанность семьянина — зарабатывать на жизнь, но он не может при этом лгать, обманывать, грабить других и обязан помнить, что смысл его жизни в служении Богу и бедным.

Зная, что мать и отец есть зримые воплощения Бога, семьянин обязан всегда и всячески угождать им. Если человеком довольны его мать и его отец, Бог доволен им. Доброе дитя никогда не скажет резкого слова родителям.

В присутствии родителей не должно шутить, выказывать нетерпение, проявлять дурное настроение или характер. При появлении матери или отца следует поклониться и ожидать стоя, пока они не сядут и не попросят сесть.

Семьянин совершит грех, если, имея пищу, питье и одежду, не удостоверится прежде всего, есть ли они у его матери и отца, у его детей и жены, у бедных. Мать и отец дали ему его тело, поэтому семьянин не должен щадить

⁴ Индийская традиция разработала систему четырех ступеней, ашрамов, соответствующих четырем стадиям человеческого существования: *брахмачарья* (ученичество), *гарха-стхья* (жизнь домохозяина), *ванапрастхья* (жизнь в лесу, в уединении), *саньяса* (отшельничество и сосредоточение мыслей на постижении Высшего). Последние две стадии часто объединяются. В идеале предполагается, что последователь индуизма, принадлежащий к высшим варнам, переходит от одной стадии к другой, приобретая соответственно новые права и обязанности. Вместе с тем не исключался и переход, скажем, от стадии ученичества к стадии отшельничества. Молодыми саньяси были многие видные религиозные мыслители древности и средневековья, саньяси был и Вивекананда.

⁵ *Маха-Нирвана-Тантра* — сборник предписаний для последователей индуизма. Точное время написания не установлено; считается, что он был создан в Бенгалии между 1755 и 1785 гг. Маха-Нирвана-Тантра во многом отличается от тех сборников предписаний, что были созданы в эпоху древности и раннего средневековья. В этих сборниках права и обязанности каждого последователя индуизма строго соотносятся с местом человека в иерархически организованном обществе, где брахманы занимают главенствующее положение. Между тем Маха-Нирвана-Тантра выдвигает идеалы поведения верующего, во многом созвучные гуманистическим и демократическим устремлениям Нового времени.

сил, чтобы отплатить им за него.

И он должен помнить о долге по отношению к жене. Муж должен не бранить жену, но относиться к ней так, как если бы она была его матерью. Какие бы беды или трудности ни осаждали его, он никогда не должен сердиться на жену.

В мрачный ад попадет тот, кто думает о другой женщине, кроме своей жены, если даже только в мыслях коснется он ее.

Семьянин никогда не должен употреблять при женщинах бранные слова и никогда не должен хвалиться своей силой. Не должно ему говорить: я сделал то, я сделал другое.

Семьянин должен угождать своей жене деньгами, одеждой, любовью, верой и словами, сладкими, как нектар, никогда не должен делать ничего, что огорчает ее. Семьянин, который добился любви благонравной жены, преуспел и в вере своей, и в добродетели».

Затем следуют обязанности семьянина по отношению к детям:

«Он должен с любовью воспитывать сына до четырех лет; должен обучать его до шестнадцати лет. Когда исполнится сыну двадцать, он должен начать работать, отец же должен тепло относиться к нему, как к равному. Так же должна воспитываться и дочь, обучать которую следует с великим тщанием. Когда же будет она выходить замуж, отец должен одарить ее драгоценностями и богатством.

Семьянин обязан заботиться и о своих братьях и сестрах, а также о детях своих братьев и сестер, если они бедны; он обязан заботиться и о других родственниках, о друзьях и о слугах. Есть у него обязанности и по отношению к односельчанам, к беднякам и к любому, кто попросит у него помощи. Если семьянин зажиточен, но живет, не заботясь о близких и бедных, он не может считаться человеком, ибо живет, как животное.

Следует избегать излишеств в пище, в одежде, в уходе за телом и волосами. Семьянин должен быть чист сердцем, опрятен телесно, постоянно активен и готов к работе.

Он должен быть героем по отношению к своим врагам. Им он обязан оказывать сопротивление — таков долг семьянина. Он не может обливаться слезами, забившись в дальний угол, и болтать глупости о непотреблении. Если он не проявит героизма в борьбе против врагов, он не выполнит свой долг. По отношению же к родственникам и друзьям он обязан быть кротким, как агнец.

Долг семьянина — не склоняться перед дурными людьми, ибо, склоняясь перед такими людьми, он спешествует злу; и будет ошибкой с его стороны, если он не обратит внимания на людей, заслуживающих его уважение, на добрых. Семьянину не следует проявлять неразборчивость в установлении дружеских связей, заводить друзей повсюду; он должен сначала понаблюдать за поступками тех, с кем желал бы подружиться, посмотреть, как они ведут себя с другими, и, только все хорошенько обдумав, вступать с ними в дружбу.

Есть три вещи, о которых семьянин не должен говорить: он не должен прилюдно упоминать свою известность, не должен распространять истории о своей влиятельности и силе, не должен рассказывать о своем богатстве, а также о том, о чем ему сообщили доверительно.

Человек не должен говорить, что он беден, как не должен говорить, что богат, — не нужно хвастаться богатством. Человек должен полагаться на самого себя — в этом его религиозный долг, а не просто житейская мудрость, и если он не следует своему долгу, то может быть сочтен безнравственным.

Семьянин — основа и опора общества. Он главный его кормилец. Бедные, слабые, дети и женщины, которые не работают, — все живут от его трудов, поэтому и есть у него обязанности. Эти обязанности должны придавать ему силу для их выполнения, чтобы он не думал, будто делает работу, не соответствующую его идеалу. А потому если проявит он слабость или допустит ошибку, то не должен говорить об этом прилюдно, как не должен он говорить о своих делах, если знает, что не преуспел в них. Такого рода покаяние не только никому не нужно, оно и самого человека лишает уверенности в себе и мешает выполнению им долга. В то же время семьянин обязан прилагать все силы для умножения прежде всего знания жизни, а затем и богатства. Это его долг, и если он его не выполняет — он никто. Семьянин ведет себя безнравственно, если не трудится, а хочет разбогатеть. Он безнравственен, если ленится и стремится к безделью. Ведь сотни других зависят от него, и, если он разбогатеет, они получат необходимую им поддержку.

Не будь в этом городе сотен людей, которые стремились разбогатеть и разбогатели, что случилось бы с цивилизацией, с приютами для бедных, с нарядами дворцами?

В этом случае нет ничего плохого в стремлении к богатству, ибо это богатство предназначено для распределения, а семьянин есть центральная фигура жизни и общества. Это его форма служения Богу — зарабатывать деньги и праведно расходовать их, ибо семьянин, старающийся разбогатеть достойными средствами и во имя достойной цели, практически так же освобождает свою душу, как отшельник, который произносит молитвы в своей келье. Мы видим здесь лишь различные стороны одного и того же: самоотречения и жертвенности из любви к Богу и всему, что ему принадлежит.

Конечно, семьянин должен заботиться и о своем добром имени. Он должен не играть в азартные игры, не бывать в обществе дурных людей, не говорить неправду и не причинять неприятностей окружающим.

Нередко бывает, что человек затевает дела, которые не в силах завершить, и, чтобы все-таки добиться своего, прибегает к обману. В любом деле нужно учитывать и фактор времени: то, что заканчивается неудачей в один отрезок времени, вполне может привести к успеху позднее.

Семьянин должен говорить правду и говорить мягко, выбирая слова, которые приятны людям и выражают доброе к ним отношение. И никогда не следует обсуждать дела других.

Семьянин, копая пруды, сажая деревья по обочинам дорог, строя жилища для людей и для животных, прокладывая дороги и возводя мосты, движется к той же цели, что и самый великий Йог».

Это — одна часть доктрины карма-йоги: деятельность и обязанности семьянина. Далее там говорится еще, что, «если семьянин падет на поле боя, защищая свою страну или веру, он достигнет той же цели, какой достигает йог медитацией»⁶, иными словами: то, что есть долг для одного, для другого не является долгом, и это не означает, будто один долг может быть выше другого. Всякому долгу свое место, и каждый из нас должен выполнять свой — в зависимости от обстоятельств.

Однако из всего этого вытекает еще одна идея — осуждение всякого рода слабостей. Эта особая идея нашего учения очень дорога мне, будь то в философии, в религии или в работе. Читая Веда⁷, вы обнаружите, как часто употребляется в них слово «бесстрашие». Не страшитесь ничего. Страх — признак слабости. Человек обязан выполнять свои обязанности, не обращая внимания на презрение или насмешки мира.

Если человек уходит от мира, чтобы проводить время в молитве, он не должен думать, будто те, кто живет в миру и трудится на благо мира, не заняты той же молитвой. Равным образом живущие в миру с женой и детьми не должны считать удалившихся от мира ничтожными бродягами. Всякий велик на своем месте. Я хотел бы пояснить эту мысль одной историей.

Жил однажды царь, который всем саньяси, прибывавшим в его царство, задавал один и тот же вопрос: «Кто выше — тот, кто отрекся от мира и сделался саньяси, или семьянин, исполняющий свой долг в миру?»

Множество мудрых людей ломало себе голову над этим вопросом. Иные утверждали, что саньяси выше, но тогда царь требовал доказательств, а поскольку доказать они ничего не могли, царь приказывал женить их. Другие говорили — семьянин выше, но доказательств не было и у них, и царь распорядился, чтобы и они обзавелись семьями.

Наконец предстал перед царем молодой отшельник, который на царский вопрос ответил: «Каждый велик на своем месте!» — «Есть ли у тебя доказательства?» — спросил царь. «Я могу доказать тебе правоту моих слов, — заявил саньяси, — но для этого ты должен хоть несколько дней пожить, как я». Царь согласился и вместе с отшельником покинул свое царство. Они долго бродили по свету, пока не пришли в столицу некоего великого царства, где как раз шла подготовка к большому торжеству. Царь и отшельник услышали грохот барабанов, музыку, крики глашатаев. Люди собрались на улицах в нарядном платье, чтобы услышать высочайшее объявление. Царь и саньяси приблизились, чтобы посмотреть, что происходит. Глашатай объявил, что принцесса, дочь тамошнего царя, собирается выбрать себе мужа среди собравшихся перед ней.

⁶ Мы не располагаем текстом Маха-Нирвана-Тантры. Этот отрывок частично соотносится с Бхг. (II, 37) с той лишь разницей, что Бхг. говорит более конкретно: о кшатрии, воителе, а не о семьянине вообще. Кроме того, Бхг. имеет в виду достижение рая, а не осуществление человеком своего предназначения (выхода из круга перерождений).

⁷ *Веды* (санскр.: знание) — «священное писание» индуистов. Состоит из четырех групп текстов: самхит (сборников гимнов и заклинаний); брахман (сборников ритуально-мифологического характера); араньяк («лесных» книг, наставлений для отшельников); Упанишад (сборников текстов умозрительно-философского плана). Четыре Веда (Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа) обычно датируются XII—X вв. до н. э., хотя многие гимны (особенно в Ригведе) отражают более ранние периоды индийской истории. Традиция расценивает авторитет Вед как неоспоримый: так солнце не нуждается в дополнительном источнике света, чтобы его было видно. Они существуют, согласно традиции, вечно. Веда иначе называется «шрути» — «то, что было услышано»: считается, что риши, создатели гимнов, мгновенным озарением, внутренним взором постигли приоткрывшуюся им истину. Риши не есть авторы Вед, они только придали словесную форму тем видениям, что были недоступны другим людям. К Ведам примыкают тексты, называемые «смрити» — «то, что было запомнено»: это своего рода «священное предание» индуизма. Значимость этих текстов для последователей индуизма хотя и велика, но вторична. Они достоверны для него в той степени, в какой не противоречат литературе «шрути» (то есть вечному и непогрешимому источнику истины), и при разногласиях последнее слово всегда будет за «шрути». Как правило, к литературе «смрити» относят следующие тексты: две эпические поэмы — «Махабхарата» и «Рамаيانа»; восемнадцать пуран (дословно «старые» истории): они обычно состоят из космогонических мифов, генеалогий царей и др.; дхармашастры — законодательные трактаты, регулирующие политическую, религиозную и общественную жизнь. Сюда же входят смартасутры, то есть тексты, связанные в основном с домашним ритуалом; трактаты по вопросам религии, этики, философии и пр. Допустимо употреблять слово «Веда» только по отношению к самхитам (сборникам священных текстов, составляющих ранние слои ведийского канона). Можно использовать слово «Веда», имея в виду, например, Упанишады. Вивекананда часто пользуется словом «Веда», когда говорит об Упанишадах. Здесь, говоря о «бесстрашии» как теме многих Вед, он имеет в виду Упанишады.

Был в Индии такой древний обычай — царская дочь имела право выбрать себе супруга на собственный вкус:⁸ одна выбирала самого красивого, другая — самого ученого, третья — самого богатого и так далее. Все окрестные принцы собрались в тот день в столице. Некоторые приехали со своими глашатаями, и последние громко перечисляли достоинства принцев и причины, в силу которых они надеялись быть избранными принцессой. Разодетую принцессу носили по улицам прямо на троне, чтобы она могла всех видеть и всех слышать. Если ей не нравился жених, она просто приказывала нести себя дальше, не обращая больше внимания на отвергнутого. Тому, кто ей придется по сердцу, принцесса должна была набросить цветочную гирлянду на шею, и он становился ее супругом.

Дочь царя страны, куда пришли наши путники, была самая прекрасная принцесса в мире, а супруг ее должен был унаследовать все царство отца после его кончины. Эта принцесса мечтала о красавце женихе, но никак не решалась на ком-нибудь остановить свой выбор. Уже несколько раз устраивались смотрины, а принцесса все не находила себе мужа. Нынешнее празднество было самым многолюдным из всех. Принцесса восседала в тронном паланкине, который носили по всему городу, но она не подавала никакого знака. А тем временем на улице появился молодой отшельник, прекрасный, как солнце, сошедшее на землю, который остановился на углу и стал смотреть на происходящее. Едва только взор принцессы упал на красивого отшельника, как она сразу набросила на его шею цветочную гирлянду. Отшельник же, сорвав с себя цветы, воскликнул: «Да мыслимо ли это! Я отрекся от мира, что мне до женитьбы?» Царь этой страны подумал, что юноша нищ и потому не может и помыслить о том, чтобы взять в жены царскую дочь. «Я отдаю за дочерью полцарства, — сказал он, — когда же я умру, мой зять унаследует все!» С этими словами царь попытался было снова надеть на юношу гирлянду, но тот отпрянул. «Я не намерен жениться!» — повторил он и быстро зашагал прочь.

Принцесса с первого взгляда полюбила молодого отшельника и объявила во всеуслышание, что умрет, если не станет его женой, и последовала за ним. «Последуем и мы за этой парой», — предложил наш отшельник своему царю, которого привел сюда. Держась на расстоянии, они пошли вслед. Юноша удалялся от города в лес. Принцесса не отставала, а за ними в отдалении следовали отшельник и царь. Юноша чувствовал себя в лесу как дома, он скоро скрылся из виду, а принцесса, поняв, что заблудилась, села под дерево и стала плакать. «Не плачь, — сказали царь с отшельником, приблизившись к ней, — мы выведем тебя из лесу, но сейчас уже поздно и темно. Переночуем под этим деревом и наутро отправимся в путь».

А на дереве свила себе гнездо птичья семья: самец, самка и три птенца. Увидев, что под деревом расположились люди, самец спросил самку: «Как нам быть, дорогая? В нашем доме сегодня гости, ночь холодна, а огонь нечем развести». Слетав в деревню, он принес в клюве головешку, бросил ее под дерево, добавил топлива, и там вскоре запылал жаркий костер. Но маленькую птицу это не удовлетворило. «Как нам быть, дорогая? — спросил он снова у самки. — Наши гости голодны, а нам нечем их угостить. Мы — семья, и наш долг дать пищу всякому, кто пришел в дом. Раз ничего другого нет, я отдам им собственную плоть». Он слетел с дерева прямо в костер, да так стремительно, что люди не успели перехватить его.

Самка увидела, что сделал самец, и сказала себе: «Гостей трое, и одной маленькой птичкой им не насытятся. Мой долг жены — довести до конца начатое мужем, поэтому я должна отдать им и свою плоть тоже». Маленькая птичка последовала примеру мужа.

Тогда птенцы поняли, что все равно людям мало еды. И сказали они друг другу: «Наши родители сделали все, что было в их силах. Но этого оказалось недостаточно, наш долг — довести до конца начатое родителями». И они один за другим тоже бросились в огонь.

Конечно, потрясенные люди и помыслить не могли съесть этих птиц. Они провели ночь без пищи. А утром царь и саньяси указали принцессе путь, и она отправилась домой, к отцу.

И тут отшельник объяснил царю: «Ты сам видел — всякий велик на своем месте. Если человек живет в миру, он должен жить, как эти птицы: быть готовым в любую минуту пожертвовать собою ради других. Если человек желает отречься от мира, пусть живет, как этот юноша, которому дела нет ни до прекрасной принцессы, ни до трона. Если ты решил быть семьянином, жертвуй своей жизнью ради блага других. Если влечет тебя одиночество, забудь о красоте, о деньгах и о власти. Всяк велик на своем месте, но то, что долг для одного, может не быть таковым для другого».

⁸ Имеется в виду так называемая «сваямвара» (санскр.: «свой выбор») — брак, когда невеста сама выбирает себе жениха. Большая часть признаваемых форм браков (всего их насчитывалось восемь) сводилась к браку по инициативе и с ведома родителей невесты, в первую очередь ее отца. Но и брак «сваямвара», очевидно, не был редкостью. Многие известные героини эпоса сами выбирали себе мужей.

Глава III

ТАЙНА ТРУДА

Великое дело — помочь человеку, освобождая его от материальных нужд. Однако помощь изменяется и измеряется в зависимости от объема и величины нужды. Если возможно освободить человека от нужды на час — это, безусловно, значит оказать ему помощь; еще большей помощью будет освобождение его от нужды на год, но самой большой помощью было бы освобождение от нужды навсегда. Освободить нас от невзгод может только духовное знание, любое другое знание способно лишь на время помочь нам. Лишь духовное познание навсегда уничтожает саму способность испытывать нужду; поэтому оказание человеку духовной поддержки и есть самая большая помощь, которая может быть оказана ему. Дающий духовное знание есть поистине величайший благодетель человечества, именно такие люди всегда обладали наибольшей властью над миром, помогая человечеству в его духовной нужде, ибо духовность составляет настоящую основу всей деятельности человека. Духовно сильный и здоровый человек будет силен во всех отношениях, если он захочет этого. При отсутствии же в человеке духовной силы не поддаются удовлетворению даже его физические потребности. За духовной помощью следует помощь интеллектуальная. Обладание знанием гораздо выше, чем обладание пищей и одеждой; получение знания даже выше, чем рождение человека, потому что подлинная жизнь человека состоит из знания. Невежество — смерть, а знание — жизнь. Невелика ценность жизни, если это существование во тьме, бархатные в невежестве и страдании. Следующая в порядке очередности идет помощь материальная. Поэтому, размышляя над тем, чем можем мы быть полезны другим, надо всячески избегать ошибочного представления, будто материальная помощь есть единственный вид помощи, на который мы способны. На самом же деле она стоит на последнем месте не только по порядку, но и по значению, ибо эта помощь не может принести постоянного удовлетворения. Когда я голоден, пища утоляет голод, но со временем он снова возвращается; избавление наступит только тогда, когда удовлетворение освободит меня от потребности. Даже испытывая голод, я не буду чувствовать себя несчастным, никакое страдание, никакая печаль не заденут меня. Таким образом, выше всего та помощь, которая укрепляет меня духовно, за ней следует помощь интеллектуальная, а потом уже материальная.

Одной лишь материальной помощью мир не освободить от страданий. Пока не переменится природа человека, будут возникать материальные потребности, и никакой материальной помощью их целиком не удовлетворить. Единственный выход из этого положения — сделать человечество чистым. Невежество есть мать всех зол и всех страданий, которые существуют. Пусть человек увидит свет, пусть он будет чистым, духовно сильным и образованным, и тогда мир освободится от страданий, не ранее того. Можно превратить каждый дом в стране в приют милосердия, можно застроить страну больницами, и все же несчастья человека будут существовать, пока не изменится его природа.

Мы снова читаем в «Бхагавадгите», что следует трудиться не покладая рук. Но работа по своей природе состоит из доброго и дурного. Не существует труда, который не послужил бы чьему-нибудь добру, как не существует труда, который не повредил бы кому-то. Всякий труд есть смешение доброго и дурного, но тем не менее, нам предписано трудиться не покладая рук. И добро, и зло будут иметь свои последствия, свою карму. Доброе дело оставит нам хороший результат, дурное — плохой. Однако и добро, и зло — это узы души, поэтому, чтобы освободить душу от порабощения плодами труда, в «Бхагавадгите» речь идет о труде без «привязанности» к нему.

Сейчас мы постараемся понять, что это означает.

Это главная идея «Бхагавадгиты»: непрестанный труд, но без привязанности к нему. Слово *самскара* можно, весьма условно, перевести как «унаследованная склонность». Уподобляя ум озеру, можно сказать, что всякая зыбь, каждая волна, пробегающая в уме, даже успокоившись, не исчезает совершенно, но оставляет след и возможность нового появления. Вот этот след, свидетельствующий о том, что зыбь или волна могут появиться снова, и носит название *самскар*. Всякий поступок, совершаемый нами, всякое движение тела, всякая мысль, приходящая в голову, оставляют след, и, даже если след этот незаметен на поверхности, он всегда бывает достаточно четок, чтобы подсознательно воздействовать на нас. То, что мы собою представляем в каждый отдельно взятый миг, есть сумма всех этих впечатлений, впечатлений ума. То, что я собою представляю сию минуту, есть следствие всех впечатлений от моих прежних существований. Это и есть так называемый характер. Характер каждого человека определяется суммой всего, что в нем оставило след. Если хороших впечатлений больше, то и характер становится хорошим, если дурных — характер ухудшается. Если человек постоянно слышит дурные речи, думает о дурных вещах, совершает дурные поступки, он наполняется дурными впечатлениями, которые скажутся на его мыслях и работе незаметно для него. В действительности дурные впечатления постоянно сказываются на человеке и обязательно приводят ко злу, такой человек станет плохим, это неизбежно. Сумма отрицательных впечатлений станет сильным побудительным мотивом к совершению дурных поступков. Человек пре-

вратится в машину, управляемую злом и направляемую на зло. Равным образом, думая о добром и совершая добрые дела, человек накапливает в себе добрые впечатления, которые будут подталкивать его к добру даже вопреки его воле. Совершивший множество добрых дел и много размышлявший о добре воспитает в себе непреодолимую склонность к добру, так что, если он даже пожелает сделать дурное, его ум, его склонности уже не допустят этого, остановят его, ибо он уже целиком во власти добра. В этом случае можно сказать, что в человеке выработался хороший характер.

Черепашу, втянувшую лапы и голову в панцирь, вы можете убить и разбить на куски, но она ни за что не выскочит из панциря. Так и человек, чей характер тверд и властвует над органами тела и над мотивами поступков, непоколебим. Он контролирует свои внутренние силы, и ничто не может заставить его действовать против его воли. Добрые мысли стали характерны для него, добрые впечатления являются выражением его ума, склонность к добру у него все крепнет, и в результате мы обладаем способностью контролировать наши *индрии* (органы чувств, нервные центры). Только таким путем вырабатывается характер, только таким путем продвигается человек к истине. Такой человек навечно в безопасности, он уже не способен на дурной поступок. Его можно поместить в любое окружение, ему ничто не опасно. Есть и более высокое состояние, чем развитие в себе склонности к добру, — это желание освободиться. Следует помнить, что свобода духа есть цель всех йог⁹, любая из которых в равной мере способствует достижению этой цели. Можно трудом достичь того, что Будда достиг преимущественно путем медитации или Христос — путем молитвы. Будда был *джняни*, Христос — *бхакта*¹⁰, но оба достигли одной и той же цели. Трудность же заключается в следующем: освобождение означает свободу от уз добра, как и от уз зла. Цепи остаются цепями, сделаны ли они из золота или из железа. Если я занозил палец колючкой и взял другую, чтобы выковырять занозу, то я потом выбрасываю обе, мне нет нужды сохранять вторую колючку — она ведь просто колючка, как и моя заноза. Дурные склонности должны преодолеваются при помощи добрых, дурные впечатления должны вытесняться хорошими до тех пор, пока зло почти совсем не исчезнет или не будет загнано в дальний угол и находиться под контролем, но после этого нужно научиться властвовать и над склонностями к добру. Таким образом, «привязанность» уступает место свободе. Трудитесь, но так, чтобы работа мысли не оставляла глубоких впечатлений в уме. Пусть зыбь набегает и проходит, пусть мышцы и мозг напряженно действуют, но пусть они не оставляют глубоких впечатлений в душе.

Но как это сделать? Мы же видим, что любое действие, от которого мы ждем результатов, оставляет в нас впечатления. Я могу за день увидеть сотню лиц, но среди них будет только одно любимое, и, ложась спать, вспоминая перед сном всех, кого я повидал, я вспомню только это, пусть даже я увидел его на одну минуту, а все остальные размыты в памяти. Моя привязанность к человеку оставила более глубокое впечатление от встречи с ним, чем все другое. Физиологически, для механизмов памяти, все увиденные мной лица одинаковы: каждое запечатлелось на сетчатке, откуда образ поступил в мозг, но последствия процесса оказались разными. Возможно, большинство лиц были чужими, я никогда прежде не думал о них, одно же, увиденное всего на минуту, соединилось с моими прежними внутренними ассоциациями. Может быть, я годами вызывал в памяти этот образ, знал многое об этом человеке, и теперь его вид сразу пробудил дремавшие воспоминания, так что образ как бы повторился в сто раз больше, чем промелькнувшие случайные лица, и оставил более глубокий след в уме.

А потому будьте независимыми, пускай работают мозговые центры, работают неустанно, но так, чтобы зыбь от работы не подчинила себе ум. Трудитесь, как если бы вы были чужеземцем на этой земле, путником, трудитесь не покладая рук, но не связывайте себя, ибо зависимость, рабство ужасны. Этот мир не есть место нашего обитания, он только одна из фаз, через которые мы проходим. Помните великую мысль *санкхьи*: «Вся природа для

⁹ «Йога» (санскр.: соединение, связь, средство) в религиозно-философских текстах используется в двух значениях. В первых, как название одной из школ классической индийской философии, многие идеи которой возникли в глубокой древности, (скорее всего на рубеже II—I тыс. до н. э.) в разных школах и постепенно объединившиеся вокруг того направления, что примерно во II—V вв. н. э. систематизировало теорию и практику учения в сутрах, приписываемых Патанджали. В йоге большое внимание уделяется «практическому» аспекту: этическая подготовка адепта дополняется дисциплиной тела и ума. В теории йога в значительной степени примыкает к другой системе классической индийской философии — *санкхье* (см. примеч. 3).

Второе значение слова «йога» соотносится со значением слова «марга» (путь). Провозглашаются различные пути постижения Высшего; соответственно «йога» означает тогда только «путь», «способ». В этом значении слово «йога» употреблено в данном случае.

¹⁰ *Джняни* — последователь, приверженец *джняна-марги*, или *джняна-йоги*, то есть последователь индуизма, ориентирующийся на интуитивное проникновение в сущность собственного «Я» и его отношения с конечным существованием. Разработанное в Упанишадах понятие «*джняна*» (знание) не имеет в виду позитивную систему знаний, получаемых на основе умозаключения, опыта или научного эксперимента. Имеется в виду «осенение», мистическое озарение, «схватывание» истинной картины мира в акте интуитивного прозрения. *Бхакта* — последователь индуизма, приверженец *бхакти-марги*, или *бхакти-йоги*. Его постижение истинной сути первоосновы мира мыслится возможным на пути эмоциональной преданности, беззаветной любви к Богу, когда верующий всего себя посвящает Богу.

духа, а не дух для природы»¹¹. Сама основа существования природы направлена на воспитание духа. Она не имеет иного смысла, ибо душе необходимо знание, а через знание душа освобождается. Если мы будем всегда помнить об этом, мы никогда не будем ощущать зависимость от природы, а будем знать: природа — это книга, которую мы должны читать, когда же книга дала нам достаточно знаний, нам больше нет нужды в ней. Мы же, вместо этого, отождествляем себя с природой, думаем, что душа существует ради природы, что дух предназначен для плоти, что, как говорится, человек «живет, чтобы есть», а не «ест, чтобы жить». Мы все время совершаем эту ошибку. Мы рассматриваем природу как самих себя и привязываемся к ней, а как только возникает привязанность, она оставляет глубокое впечатление в душе, которое сковывает нас, и мы уже трудимся не свободно, а как рабы.

Суть же этого учения в том, что человек должен трудиться как *хозяин*, а не как *раб*, он должен работать не покладая рук, но не по-рабски. Разве вы не видите, как все работают? Ни у кого ни минуты покоя, девяносто девять процентов человечества трудятся как рабы, и результаты их деятельности жалки, потому что все это себялюбивый и корыстный труд. Трудитесь свободно! Трудитесь с любовью! Слово «любовь» с трудом поддается пониманию, потому что любовь приходит только тогда, когда человек свободен. Раб не может по-настоящему любить. Если вы приобретаете раба, заковываете его в цепи и заставляете работать на вас, он будет работать подобно ослу, но в нем не будет любви. Так же и у нас, если мы работаем ради мирских вещей, как рабы, не может быть любви, а значит, и труд наш не есть настоящий труд. Это справедливо и в отношении работы, которую мы выполняем ради наших близких и друзей, и в отношении того, что делаем для себя. Себялюбивый труд — труд рабский, и тому есть доказательство. Акт любви приносит счастье, нет любви, которая не давала бы счастья. Подлинное существование, подлинное знание и подлинная любовь извечно связаны между собой, образуя триединство, и где есть одно, там также должны быть и два других; это три аспекта Единого: существование — знание — блаженство. Когда существование становится относительным, мы видим это как мир; в свою очередь, знание модифицируется в знание вещей мира, и это блаженство образует всю истинную любовь, известную человеческому сердцу. Подлинная любовь не может своими проявлениями причинить боль ни тому, кто любит, ни тому, на кого обращена любовь. Предположим, мужчина любит женщину, он желает обладать ею целиком и чрезвычайно ревниво относится к каждому ее поступку; он хотел бы, чтобы она и сидела рядом с ним, и стояла рядом с ним, и во всем исполняла его волю. Мужчина поработен ею и хотел бы поработить ее. Это — не любовь, а своего рода болезненная привязанность к рабыне, выдающая себя за любовь. Любовью это чувство быть не может, поскольку оно причиняет боль; если женщина не соглашается делать то, чего желает мужчина, он от этого страдает. Любовь не причиняет боли, она дает только блаженство, если появляется боль, то это другое чувство, ошибочно принимаемое за любовь. Когда вы сумели полюбить своего мужа или свою жену, своих детей, весь мир, всю вселенную, не испытывая ни боли, ни ревности, ни себялюбивых чувств, тогда вы готовы к бескорыстию.

Кришна говорит: «Посмотри на меня, Арджуна! Если я хоть на миг перестану трудиться, вселенная погибнет. Я ничего не выигрываю от работы, я единственный властелин мира, зачем же я тружусь? Я тружусь потому, что люблю мир»¹². Бог свободен, ибо он любит. Подлинная любовь делает нас независимыми. Всякая прикрепленность к мирским вещам имеет характер физического притяжения между рядами частиц материи, это то, что притягивает два тела друг к другу все время и вызывает боль, если это невозможно сделать. Там же, где существует *подлинная* любовь, нет зависимости от физического притяжения. Любящие могут быть разделены тысячью миль, но их любовь будет той же самой, она не умирает и никогда не причиняет страданий.

Достичь этой независимости можно лишь чуть ли не в течение целой жизни, но достижение этой точки означает, что мы достигли цели любви и стали свободными, мы освобождаемся от господства природы и мы прозреваем природу такой, какова она есть; природа больше не кует нам цепи, мы совершенно свободны и не испытываем привязанности к результатам наших трудов. В таком случае, что нам беспокоиться об этих результатах?

Разве вы чего-то ожидаете от своих детей взамен того, что вы им дали? Трудиться на их благо — ваш долг, и этим все сказано. Что бы вы ни делали ради определенного человека, или города, или государства, делайте это так же, как вы бы это делали для своих детей, ничего не ожидая. Если вы способны неизменно быть дающим, рассматривая свои даяния как добровольное жертвоприношение миру, без помысла о воздаянии за свои дела, тогда ваш труд не будет вас привязывать к себе. Привязанность появляется от ожидания воздаяния.

Рабский труд ведет к корысти и зависимости, труд же человека, владеющего собой, дает ему счастье независимости. Мы часто говорим о праве и справедливости, но мы понимаем, что на деле все это детский лепет. Две вещи руководят поведением людей: сила и милосердие. Применение силы есть неизменно проявление себялюбия. Человек всегда старается извлечь как можно больше из силы и власти, которыми он располагает. Милосердие же само

¹¹ См., например, Йога-сутры Патанджали, II, 18, 20, 21, 22; Санкхья карика, 56, 57, 58, 59 и др. Согласно учению санкхьи, пракрита во многих отношениях служит пуруше: ее часто сравнивают с танцовщицей, которая чарует смотрящего на нее и тотчас же прекращает свой танец, когда видит, что ее заметили. Она ничего «не приобретает», «не получает» от пуруши: главное, чтобы он заметил свою связанность и освободился от нее.

¹² Примерный пересказ Бхагавадгиты, III, 22 и 24. Строка «Я тружусь, потому что люблю мир» добавлена Вивеканандой.

по себе блаженство. Чтобы быть добрыми, мы должны быть милосердными. Даже право и справедливость должны основываться на милосердии. Помыслы о воздаянии за наш труд мешают нашему духовному развитию и в конечном счете ведут к страданиям. Есть и еще один путь воплотить на практике идеи милосердия и бескорыстного труда — рассматривать труд как «богослужение», если вы веруете в Личностного Бога. Богу мы приносим все плоды нашего труда, и, таким образом служа ему, мы не можем ожидать ничего от людей за наш труд. Сам Бог тоже трудится непрестанно, и труд его независим. Как вода не может намочить лепесток лотоса, так труд не может привязать к себе бескорыстного человека. Бескорыстный и независимый человек способен жить в самом сердце густонаселенного и грешного города: грех его не коснется.

Представление о полном самоотречении дает следующая история. После битвы на Курукшетре¹³ пятеро братьев-пандавов¹⁴ совершили великое жертвоприношение и щедро одали бедняков. Народ поражался величию и богатству жертвоприношения, говорил, что мир не выдвигал ничего подобного. Но после церемонии прибежал маленький мангуст, наполовину золотистый, наполовину коричневый, и, катаясь по полу зала жертвоприношения, закричал: «Вы все лжецы! Это совсем не жертвоприношение!» — «Как? — изумились люди. — Как же так? Разве ты не знаешь, сколько золота и драгоценностей раздали бедным, разве ты не видишь, что все теперь богаты и счастливы? Это величайшее из жертвоприношений, когда-либо совершавшихся!» Но мангуст сказал: «В одной деревне жил когда-то бедный брахман с женой, сыном и невесткой. Жила семья на то, что он мог заработать проповедями и поучениями. Но три года подряд в тех краях был неурожай, и семья брахмана перестала сводить концы с концами. Однажды, когда семье несколько дней нечего было есть, отец раздобыл горсточку ячменной муки и разделил ее на четыре части, каждому понемножку. Только приготовились поесть, как в дверь постучали. Отец отворил дверь — на пороге стоял гость. Гость в Индии священен, его полагается принять, как Бога, почтившего своим приходом дом. «Входите, прошу вас», — пригласил брахман и поставил перед гостем свою порцию. Гость быстро съел все и воскликнул: «Что вы со мной сделали! Я не ел десять дней, и предложенное вами только распалило мой аппетит». — «Предложи ему и мою долю», — шепнула жена. «Не могу!» — сказал брахман, но жена настаивала, говоря: «Он несчастный человек, наш долг накормить его, и, раз тебе больше нечего дать ему, я должна отдать мою долю». Затем она отдала свою долю еды гостю, он ее съел и сказал, что все еще чувствует голод. Тогда сын сказал: «Возьмите и мою долю пищи. Долг сына — помочь своему отцу выполнить его обязанности». Гость и это съел, но остался все еще голодным. Тогда и жена сына отдала свою долю еды. Этого оказалось достаточным, и гость ушел, благословляя их. Этой же ночью все четверо умерли от голода. Несколько мучных пылинок остались на полу хижины, и когда я покатался по полу, то, как видите, часть моей шкурки стала золотистой. Я с тех пор путешествую по всему свету в поисках подобного жертвоприношения, но ничего не нашел, и другой бок у меня так и остается коричневым. Вот почему я утверждаю, что ваше жертвоприношение не настоящее».

Эта идея жертвенности покидает Индию, все реже и реже встречаются великие люди. Когда я начал учить английский, я прочитал рассказ о мальчике, который пошел работать, а часть заработанных денег отдал старушке-матери. Так вот, на трех или четырех страницах восхвалялся поступок доброго сына. Ну что это такое? Ни один маленький индус не поймет мораль этой истории. Я ее понимаю теперь, когда слышу, что принцип Запада — каждый за себя. Иные считают, что можно все взять себе, не заботясь об отцах, матерях, женах, детях. Нигде и никогда не может это быть идеалом семьянина.

*Карма-йога*¹⁵ учит нас: надо помогать нуждающемуся в помощи, даже перед лицом смерти, не задавая никаких вопросов. Пускай вас обманут миллион раз, все равно не задавайте вопросов и не думайте о том, что вы делаете. Никогда не похваляйтесь своими дарами бедным и не ждите их благодарности; скорее вы должны быть благодарны тем, кто дал вам случай проявить милосердие. Отсюда следует, что быть идеальным семьянином труднее, чем быть идеальным саньяси; настоящая трудовая жизнь так же тяжела, если не тяжелее, чем подлинное отречение от мира.

¹³ Курукшетра (или Дхармакшетра) (санскр.: поле Куру, поле Дхармы) соотносится с «полем славы и доблести». Считается, что там происходило знаменитое сражение, описанное в Бхагавадгите Само понятие «Курукшетра» осмысливается двояко: во-первых, как реальное место, неподалеку от современного Дели, где якобы происходило историческое событие. Во-вторых, обыгрывается многозначность сочетания слов: «поле» есть «поле жизни», где человек должен проявить свою внеприродную, истинную и наивысшую сущность.

¹⁴ В описанной в Бхагавадгите и других письменных памятниках Индии битве на Курукшетре принимали участие потомки рода Куру и рода Панду, то есть кауравы и пандавы. Одним из пяти братьев-пандавов и был Арджуна.

¹⁵ *Карма-йога* (или карма-марга) означает путь праведного действия, который и должен привести человека к осознанию Наивысшего. Для этого не требуется оставлять мирскую жизнь, становиться отшельником: можно прервать «цепь перерождений» действиями, но действия должны согласовываться с долгом человека. Иными словами, традиция формулирует, что если человек выполняет правильные, праведные действия, он достигает той же самой цели, что и приверженец джняна-йоги или приверженец бхакти-йоги.

Глава IV

ЧТО ЕСТЬ ДОЛГ?

Изучая карма-йогу, необходимо понять, что такое долг. Если мне предстоит какое-то дело, я должен сначала знать, в чем состоят мои обязанности, а потом я это дело сделаю. Опять-таки у разных народов разное представление о долге. Мусульманин скажет, что его долг — следовать тому, что написано в Коране, индус — что его долг следовать Ведам, христианин — что его долг следовать Библии. Представления о том, что есть долг, различны на разных стадиях жизни человека в различных исторических периодах и у разных народов. Термину «долг», как всякому универсальному абстрактному термину, невозможно дать точное определение, можно только составить себе представление о нем через его практическое функционирование и результаты. Попадая в определенную ситуацию, мы действуем в соответствии с врожденным или выработанным побуждением, которое и подсказывает уму образ действия. В одном случае мы считаем, что в данной ситуации правильно сделать то-то и то-то, в другом — нам кажется, что так поступать нельзя, даже в такой же ситуации. Принято считать, что хороший человек выполняет свой долг, когда поступает по велению совести. Но что все-таки превращает поступок в акт выполнения долга? Если христианин отказывается от куска говядины, который мог бы спасти его жизнь, или если он не дает этот кусок другому для спасения жизни того человека, христианин не будет чувствовать, что выполняет свой долг. Однако, если индус осмелится съесть этот кусок говядины¹⁶ или предложит его другому индусу, он будет считать, что нарушил свой долг — ему это подскажут индусский образ мыслей и воспитание. В прошлом веке в Индии получили большую известность банды грабителей, называемые разбойниками-тугами¹⁷. Эти головорезы считали своим долгом убивать и грабить любого попавшегося им человека, и чем больше людей убил разбойник, тем лучше он о себе думал. Если обыкновенный человек совершит убийство, то он скорее всего пожалеет о содеянном, считая, что плохо поступил. Однако тот же самый человек, надев военную форму, будет рад, если убьет не одного, а двадцать человек, считая, что он отлично выполнил свой долг. Таким образом, не деянием определяется долг. Совершенно невозможно дать объективное определение тому, что есть долг. Он определяется с субъективной стороны. Любое действие, приближающее нас к Богу, есть доброе дело, а потому оно — наш долг; действие, влекущее нас вниз, есть дурное дело, и наш долг — избегать его. Субъективно мы ощущаем, что одни действия делают нас выше и чище, в то время как другие принижают и огрубляют нас, но сказать с уверенностью, что одни и те же действия одинаково воздействуют на разных людей, нельзя. Тем не менее, существует одна-единственная идея долга, приемлемая для всех людей, независимо от их веры, независимо от того, где они живут; ее смысл прекрасно выражен санскритским афоризмом: «Не причиняй вреда живому — непричинение вреда живому есть благое дело, причинение вреда живому есть грех»¹⁸.

В «Бхагавадгите» много говорится о связи обязанностей с происхождением человека и его положением в обществе. Происхождение и место, занимаемое человеком в общественной жизни, в значительной степени определяют его психологию и моральную позицию в отношении очень многого. Поэтому наш долг — делать возвышающие и очищающие нас вещи в соответствии с нравственными нормами общества, в котором мы живем. Но при этом никак нельзя забывать, что не все общества живут по одним и тем же нормам, забвение этого и составляет главную причину ненависти одного народа к другому. Американец считает, что американский образ жизни является наилучшим из возможных, а всякий, кто живет по-другому, должен быть очень плохим человеком. Индус считает, что единственно правилен его образ жизни, его обычаи лучше всех других, поэтому всякий, кто живет не так, должен быть очень плохим человеком. Заблуждение это естественно, и все мы поддаемся ему. Однако оно чрезвычайно вредно, в нем причина половины жестокостей, творимых в мире. Когда я приехал в Америку и шел

¹⁶ Проблеме так называемой «мистики питания» уделялось большое внимание уже в самых ранних текстах, например, в Упанишадах. Хотя в Ведах не содержится запрета на забой скота и описывается употребление в пищу говядины, постепенно возобладали та точка зрения, что представители высших каст не должны употреблять в пищу говядину и, более того, прилагать все силы, чтобы предотвратить забой скота. Герой поэмы Калидасы «Рагхувамша» царь Дилипа, например, готовый отдать себя прожорливому льву, чтобы спасти корову, прославлялся как идеал правоверного индуса.

¹⁷ Туги (или тхаги) называли себя почитателями женского божества Бхавани, выступающей в ипостаси кровожадной богини, требующей все новых и новых жертв. Туги имели специальные ритуальные заступы и шнуры и набрасывались на свои жертвы сзади. Хотя упоминание о сектах душителей встречается уже в арабских источниках XIII—XIV вв., где они описываются как члены тайных сообществ, только несколько месяцев в году бродящие по Индии, а остальное время ведущие обычную жизнь, особенно большое распространение их деятельность приобрела на Декане и в Северной Индии в XVII — XVIII вв.

¹⁸ Одно из самых распространенных высказываний; часто встречается в эпической литературе, например в Махабхарате, Адипарва, XI, 1, 3, и др.

по Чикагской выставке¹⁹, кто-то сзади дернул меня за тюрбан. Оглянувшись, я увидел вполне достойно выглядевшего, опрятно одетого человека. Я заговорил с ним, и он смутился, обнаружив, что я знаю английский. В другой раз на той же выставке меня толкнули. Когда я спросил толкнувшего, зачем он это сделал, он тоже смутился и извиняющимся тоном проворкотал: «Для чего вы так одеваетесь?» Оба были способны относиться с симпатией только к тем, кто говорил на их языке и был одет на их лад. Предвзвешенности такого рода есть причина угнетения сильными народами народов более слабых, и это иссушает их человечность. Спросивший меня, почему я одет не так, как он, и готовый плохо отнестись ко мне в силу этого, мог быть очень хорошим человеком, отцом и гражданином, однако его природная доброта мгновенно исчезла при виде непривычно одетого иностранца. Во всех странах злоупотребляют неспособностью чужеземцев постоять за себя, в результате чего у них формируется искаженное представление о народах, с которыми столкнулись. Моряки, солдаты, купцы в чужих странах ведут себя совсем не так, как на родине; возможно, поэтому китайцы зовут европейцев и американцев «чужеземными дьяволами». Они не могли бы выдумать эту кличку, если бы сталкивались с положительными сторонами западного образа жизни.

Не следует забывать, что мы должны постоянно стараться видеть поведение других их глазами и никогда не судить об обычаях других народов, подходя к ним с собственными мерками. Я не есть мера вселенной. Это я обязан приспособиться к миру, а не мир ко мне. Итак, мы видим, что обстоятельства меняют природу нашего долга, а потому лучшее, что мы можем сделать в мире, — выполнять наш собственный долг в конкретных обстоятельствах. Давайте выполнять долг, связанный с нашим происхождением, а выполнив его, возьмемся за тот, который вытекает из нашего положения в жизни и в обществе. Существует и серьезная опасность, заложенная в самой природе человека, а именно: человек никогда не исследует свои возможности. Человек полагает, что может занять место на троне с тем же успехом, что и царь. Даже если это так, ему нужно сначала доказать, что он выполняет тот долг, который пришелся на его долю, а уж потом думать о более высоком долге. Вступая в мир и начиная серьезно работать, мы справа и слева получаем удары от природы, которая скоро помогает нам уяснить себе наше настоящее место. Никто не может удовлетворительно делать дело, на которое он не способен, и нет смысла спорить с законами природы. Делаящий низкую работу не является низким человеком. О человеке судят не по характеру его обязанностей, но по тому, каким образом он выполняет их.

Позднее мы увидим, что и эта идея долга претерпевает изменения и что труд становится действительно великим, когда побуждением к нему перестают служить себялюбивые мотивы. И все же именно труд во имя долга приводит нас к труду, где отсутствует и идея долга; когда труд станет богослужением, чем-то более возвышенным, тогда он превратится в самоцель. Мы убедимся, что философия долга в форме ли этики, или любви, одна и та же, что и в каждой йоге: преодоление низкого в человеке, с тем, чтобы полнее проявлялось подлинно высокое «Я», меньшая растрата энергии по мелочам на низком уровне существования, с тем, чтобы душа могла раскрыться на более высоком уровне. Это достигается постоянным отказом от низменных желаний, чего настойчиво требует долг. Сознательно или неосознанно, таким путем и шло развитие общественных структур, связанное со сферами действия и опыта, где, ограничивая эгоизм, мы открываем возможности для неограниченного расширения подлинной природы человека.

Выполнение долга редко бывает приятным. Оно проходит гладко, только если все колесики жизни смазаны любовью, а без этого все время мешает трение. Как без любви смогли бы родители выполнять свой долг по отношению к детям, супруги — по отношению друг к другу? Разве не наблюдаем мы ежечасно примеров трения в нашей жизни? Выполнение долга дает радость лишь тогда, когда есть любовь, а любовь расцветает только на свободе. Но можно ли считать свободой порабощенность чувствами, злостью, ревностью и тысячью других пустых вещей, которые неизбежны в повседневной жизни? Терпимость — вот высшее проявление свободы. Женщины, рабыни собственной раздражительности и ревнивого характера, склонны во всех бедах винить мужей, самоутверждаться в своей собственной «свободе», как им кажется, не подозревая, что они тем самым доказывают только свою несвободу. Это же относится и к мужьям, постоянно выискивающим недостатки у своих жен.

Супружеская верность — главная добродетель и мужчин, и женщин; редко найдешь супруга, сколь бы легкомысленным он ни был, которого не могла бы вернуть на путь истинный нежная, любящая и преданная супруга. Много разговоров о жестокости и непорядочности мужчин, но разве не правда, что на свете не меньше жестоких и непорядочных женщин? Будь все женщины так добры и чисты, как им хотелось бы внушить миру, на свете, я уверен, не осталось бы ни одного вероломного мужчины. Существует ли жестокость, которую нельзя одолеть преданностью и чистотой? Добрая, преданная жена, относящаяся ко всем мужчинам, кроме мужа, как мать относится к детям, обретает своей чистотой такую силу и величие, что едва ли найдется мужчина, сколь жестоким бы он ни был, который не ощутит в ее присутствии атмосферу святости. Таким же образом женатый мужчина дол-

¹⁹ Всемирная выставка в Чикаго состоялась в 1893 г. К ее работе был приурочен Всемирный Парламент (конгресс) религий, участником которого был Вивекананда.

жен воспринимать всякую женщину, кроме жены, как собственную мать, дочь или сестру. Как к родной матери должен относиться к женщине и тот, кто намерен избрать для себя путь учителя веры.

На свете нет никого выше матери, ибо материнство учит величайшей жертвенности. Выше материнской любви только любовь божественная, все же другие ее формы стоят ниже. Долг матери — думать о детях, прежде чем подумать о себе. Если родители постоянно думают о себе, их взаимоотношения с детьми становятся такими же, как у птиц, где птенцы, оперившись, не узнают родителей. Поистине благословен мужчина, который видит в женщине-матери проявление божественной любви. Поистине благословенна женщина, которая видит в мужчине проявление божественного отцовства. И благословенны дети, которые относятся к родителям, как к божествам, живущим земной жизнью.

Есть лишь один способ достичь высокого уровня развития — нужно выполнять свой непосредственный долг и тем накапливать в себе силы для дальнейшего продвижения.

Молодой отшельник ушел в лес. Он провел много времени в медитации, богослужении и занятиях *йогой*. Однажды с дерева, под которым он расположился, ему на голову посыпались сухие листья. Он взглянул вверх и, увидев, что в ветвях дерутся ворона и журавль, страшно рассердился. «Как вы смеете осыпать листву мне на голову?» — воскликнул отшельник. Он метнул яростный взгляд на птиц, и так велика была его йогическая сила, что из глаз его ударил огонь и испепелил ворону и журавля. Отшельник обрадовался, он был счастлив от того, что убедился в мощи своего взгляда. Спустя некоторое время он отправился в город просить себе пропитание. Подойдя к двери дома, отшельник позвал: «Матушка, подай пищи отшельнику». — «Подожди немного, сынок», — ответил ему голос. «Как смеет заставлять меня ждать эта несчастная женщина! — подумал отшельник. — Ей еще неизвестна моя сила». — «Ты слишком высокого мнения о себе, — послышался тот же голос. — Здесь ведь нет ни ворон, ни журавлей». Отшельник был поражен, и, когда наконец из дома вышла женщина, он пал ей в ноги и спросил: «Матушка, как ты могла узнать об этом?» — «Мальчик мой, — ответила женщина, — я не знаю ни твою *йогу*, ни твои молитвы. Я женщина простая. Я заставила тебя ждать, потому что мой муж болен и я за ним ухаживала. Я всю жизнь стараюсь выполнять мой долг. До замужества — по отношению к родителям, теперь же — по отношению к мужу, это и есть моя *йога*. Но, выполняя долг, я достигла просветления, поэтому я прочитала твои мысли и узнала, что ты сделал в лесу. Если ты желаешь достичь высокого уровня развития, отправляйся на базарную площадь такого-то и такого-то города к мяснику из низкой касты *вьядха*²⁰, и он научит тебя тому, что ты будешь счастлив познать». — «Почему я должен идти к какому-то *вьядхе*?» — подумал было отшельник, но теперь его ум уже немного просветлел, и он пошел, куда ему сказали. Придя в город, отшельник отыскал базарную площадь и издали увидел громадного, толстого мясника, который орудовал огромными ножами и торговался с покупателями. «Боже мой, — подумал отшельник. — И у этого человека я должен учиться? Да он же похож на демона!» Но тут *вьядха* поднял на него глаза и воскликнул: «О господин, вас прислала ко мне та женщина? Посидите около меня, пока я не закончу свои дела». Отшельник подумал: «Что меня здесь ждет?» Он сел. *Вьядха* распродал мясо, получил деньги и пригласил отшельника к себе домой. Когда они пришли, мясник усадил отшельника, а сам отправился в комнату престарелых родителей. Он умыл и накормил их, сделал все, что нужно было старикам, и только затем снова вышел к отшельнику и спросил: «Что я могу сделать для вас?» Отшельник задал ему несколько вопросов о душе и Боге, в ответ на которые *вьядха* прочел целую лекцию, она называется «Вьядхагита» и составляет часть «*Махабхараты*»²¹. Она содержит в себе очень тонкий анализ *веданты*²². Когда *вьядха* закончил поучение, отшельник с изумлением спросил: «Как могло получиться, что человек с такими знаниями рожден в столь непривлекательной плотской оболочке и занят такой грязной и мерзкой работой?» «Сын мой, — ответил *вьядха*, — долг не может быть мерзким, труд не может быть грязным. Я с рождения оказался в таких обстоятельствах. С детства научился своему делу. Я свободен от привязанности и стараюсь хорошо выполнять мой долг. Я стараюсь жить, как подобает хорошему семьянину, стараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы были счастливы мои родители. Я не знаю *йогу*, которой занимаетесь вы, я не отрекся

²⁰ Каста *вьядха* — низшая каста охотников, одна из самых презренных, потому что они живут убийством. Как правило, описываются в литературе как грубые, жестокие существа. «Позволяющий убить, разрезающий, убивающий, продающий, покупающий, стряпающий, подносящий, поедающий мясо — все убийцы» — утверждают сборники индуистских предписаний, например Законы Ману, обычно датируемые II в. до н.э. — II в. н.э.; ЗМ, V, 51.

²¹ Указанный эпизод описывается в Махабхарате, книга Лесная; Мбх., III, 197 — 206.

²² *Веданта* — одна из систем классической индийской философии, постулирующая наличие Брахмана (или Абсолюта) как Высшей Реальности и Атмана как ее индивидуального аспекта. Материя и ум понимаются не как независимые сущности, а как коренящиеся в Брахмане. Считается, что оформление веданты относится примерно ко II в. до н. э. — II в. н. э., когда были записаны ее сутры (Веданта сутры, или Брахма сутры), приписываемые Бадараяне (или Вьясе). Веданта сутры есть последняя часть «тройственной основы» веданты; двумя другими называются Упанишады и Бхагавадгита. Веданта теснейшим образом связана с индуизмом, выступая как его философский партнер, примерно так же, как томизм считается философским партнером католицизма. Допустимо утверждать, что веданта является «философским сердцем» индуизма и наиболее признанным теоретическим его обоснованием.

от мира и не ушел в леса, но тем не менее все то, что вы слышали, дано мне через выполнение моего долга, который предписан мне моим местом в жизни».

Есть в Индии мудрец, великий йог, один из самых удивительных людей, какие мне встречались в жизни. Он человек со странностями, он никого не хочет учить, если задать ему вопрос, он не ответит. Он считает, что роль учителя чересчур высока для него. Если ему все же задать вопрос и подождать несколько дней, он даст ответ в разговоре, и его ответы очень глубоки по смыслу. Так вот, этот человек как-то сказал мне, в чем секрет работы: «Цель и средства должны быть едины в ней». Когда чем-то занимаешься, не нужно больше ни о чем думать. Работать надо, как совершать богослужение, самое высокое богослужение, отдавая работе всего себя. В рассказанной истории и *вьядха*, и женщина выполняли свой долг радостно, вкладывая всю душу в него, а в результате они достигли высшего прозрения. Отсюда совершенно ясно, что правильное выполнение долга, в чем бы он ни заключался, без привязанности к плодам его, ведет человека к наивысшему совершенству души²³.

Кто привязан к результатам своего труда, тот недоволен своим уделом. Для человека, свободного от этой привязанности, все занятия равноценны, каждое есть прекрасное средство избавиться от себялюбия и подчинения страстям, и добиться свободы для души. Мы все склонны переоценивать себя, но наши достоинства определяют наш долг в большей степени, чем нам хочется думать. Соперничество вызывает зависть, а зависть уничтожает доброту сердца. Вечно недовольному человеку противен любой долг, он никогда не будет удовлетворен, и его жизнь обречена на то, чтобы быть неудачной. Давайте же трудиться, выполняя долг, который выпал на долю каждого, будем всегда готовы энергично взяться за работу, и мы обязательно увидим Свет!

²³ Действия «без привязанности к плодам действия» — один из основных тезисов Бхагавадгиты. Только такое действие, по Бхагавадгите, и в состоянии прервать «цепь перерождений», вывести человека из мира, где все подчинено закону причинно-следственной связи. Действия «без привязанности к их плодам» — это действия, соответствующие долгу человека, то есть предписанные человеку согласно его положению в обществе.

Глава V

МЫ ПОМОГАЕМ НЕ МИРУ, А САМИМ СЕБЕ

Прежде чем продолжить наши размышления о том, как приверженность долгу способствует духовному развитию, я хотел бы кратко изложить еще один аспект того, что мы в Индии зовем *кармой*. В каждой религии есть три компонента: философия, мифология и ритуал. Философия, конечно, составляет суть любой религии; мифология поясняет и иллюстрирует ее примерами из более или менее легендарных житий великих людей, преданиями и притчами и т. д. Ритуал же придает философии еще более конкретную форму, делая ее доступной пониманию каждого, — собственно говоря, ритуал есть конкретизированная философия. Ритуал есть *карма*, он необходим для любой религии, поскольку большинство из нас неспособны усвоить духовные абстракции, пока мы не достигнем высокой степени зрелости духа. Человек охотно думает, будто может все понять, однако, когда дело доходит до практического опыта, он обнаруживает часто, как тяжело восприятие абстрактных идей. Здесь очень помогает символика, и мы не можем отказаться от познания с ее помощью. Все религии прибегали к символическим знакам с незапамятных времен. Можно сказать, что человек вообще способен мыслить только символами — слова тоже являются символами мысли. В более широком смысле можно считать символами все, что существует во вселенной. Сама вселенная есть символ, символ Бога. Символы не являются творением человека, нельзя представлять себе, будто какие-то люди — единоверцы — придумывают определенные символы, а потом пускают их в обращение. Религиозные символы возникают естественным путем. Иначе как можно было бы объяснить всеобщую соединенность определенных символов с определенными идеями? Существуют символы универсального значения. Многие, возможно, полагают, будто крест приобрел свое символическое значение вместе с возникновением христианства. На самом деле он существовал до того, как появилось христианство, как родился Моисей²⁴, как появились Веды²⁵, до начала писаной истории человечества. Может быть, символ креста знали ацтеки и финикийцы, по-видимому, он был известен всем народам. И символ Спасителя, распятого на кресте, был почти повсеместно распространен. Великим универсальным символом был и круг. Есть еще один символ, самый универсальный, — свастика²⁶. Одно время считалось, что этот символ распространили по миру буддисты, но впоследствии было установлено: он был известен многим народам за века до возникновения буддизма. Этот символ обнаружен в Древнем Вавилоне и в Египте. О чем это говорит? О том, что все эти символы не могут быть чисто условными. Должна существовать причина их возникновения, какая-то естественная связь между ними и человеческой мыслью. Язык тоже не есть результат общественного договора; дело обстоит не так, что некогда люди, собравшись вместе, договорились обозначать определенными словами определенные идеи; никогда не было идеи без соответствующего ей слова, как нет слова, которому не отвечала бы идея; мысль и слово неразрывны по природе. Символика, через которую выражается мысль, может быть звуковой, может быть цветовой. Глухонемым приходится мыслить вне звуковой символики. Всякой мысли соответствует какая-то форма. В санскритской философии это явление носит название *нама-рупа*, то есть имя и форма. Невозможно создать систему символов путем общественного договора, как невозможно создать таким путем язык. В мировой ритуальной символической системе мы находим выражение религиозной мысли человечества. Очень легко заявлять, что в обрядах, храмах и прочем нет никакой нужды, в наши дни это повторяет каждый ребенок. Однако так же легко понять, что люди,

²⁴ Моисей в библейской истории почитается как освободитель израильтян от египетской неволи и их законодатель. Традиция утверждает, что он родился около 1350 г. до н. э. и восьмидесяти лет от роду явился в качестве пророка и посланника Бога, чтобы проповедовать народу. С его именем связывается написание так называемого Пятикнижия Моисеева.

²⁵ См. примеч. 7.

²⁶ *Свастика* (санскр.: су и астика) обычно переводится как «пожелание всех благ», «всего самого доброго». Свастика — один из почти 400 (точнее 386) видов креста, употребляемых в геральдике и дизайне. На Индостанском субконтиненте свастика известна с глубокой древности: она есть на печатях культуры Мохенджо-даро, существовавшей около пяти тысяч лет тому назад; о ней упоминает грамматик Панини (V—IV вв. до н. э.) как о знаке, которым метили скот. Свастика ставится практически везде как пожелание благополучия, процветания: на дверях домов, на первых и последних страницах книг, на свадебных подарках и пр. В буддийской традиции нередко изображается на груди Будды как символ сердца или как символ правителя мира, а в переносном смысле — как символ закона Будды, которому подвластно все сущее. Значение этого знака было предметом оживленных дискуссий в XIX в.: большинство индологов характеризовало свастику как символ солнца; часто высказывалось мнение, что это — символ огня, точнее, тех священных палочек, которыми древние индийцы добывали огонь; было мнение, что это — символ света, молнии, огня, грозы и т. д., то есть различных атмосферных явлений.

В 20-е годы XX в. свастика была воспринята Национал-социалистической партией Германии как символ фашистского движения. Теоретическим обоснованием ее использования в фашистской идеологии послужила так называемая теория «арийской расы», носительницы высшего цивилизованного начала мирового исторического процесса. Ошибочность выдвижения тезиса о делении человеческой общности на неравноценные расы была выявлена почти тотчас же после его выдвижения (в 50—60-е годы XIX в.). Однако миф об «арийском превосходстве» и понимании истории как борьбе рас использовался идеологами нацизма вплоть до 1945 г. В идеологии нефашистских движений свастика используется до сих пор. На Востоке она сохранила свое исконное значение как символ пожелания самого благого.

собирающиеся на богослужение в храм, во многих отношениях отличаются от тех, кто там не молится. Связь храмов, обрядов и иных конкретных воплощений с определенной религией ведет к тому, что умы верующих наполняются мыслями, символами которых и являются эти конкретные формы. А потому неразумно полностью игнорировать ритуалы и символическую. Их изучение и применение, естественно, составляют часть *карма-йоги*.

У этой науки труда есть множество других аспектов. Один из них — познание взаимосвязи мысли и слова, а также того, что может быть достигнуто силой слова. Силу слова признают все религии, иные из них в такой мере, что даже считают слово началом сотворения мира. Слово есть внешний аспект мысли Бога, а поскольку, прежде чем сотворить мир, Бог думал и имел желание, мир был сотворен словом. Напряжение и суета нашей жизни, ориентированной на материальные ценности, притупляют наши нервы, утрачивающие остроту восприятий. Чем старше мы становимся, чем больше подвергаемся ударам судьбы, тем более черствыми мы делаемся, переставая обращать внимание на явления, происходящие вокруг нас. И все же временами человеческая природа берет свое, заставляет нас вдуматься в эти явления и изумиться им, изумление же становится первым шагом по пути к свету. Помимо своих возвышенных философских и религиозных качеств, слово, звуковой символ, играет огромную роль в драме человеческой жизни. Так, я с вами говорю. Я не затрагиваю вас, колебания воздуха, вызванные моей речью, достигают ваших ушей, приводят в действие ваши нервы и воздействуют на мозг. А вы не можете этому противиться. Что может быть поразительнее? Один называет другого дураком, тот вскакивает, сжимает кулаки и бьет первого — вот вам и сила слова! Плачет женщина, скорчилась в отчаянии и сотрясается от рыданий, к ней подходит другая, говорит утешающие слова — и вот женщина уже распрямилась, рыдания затихли, на губах готова появиться улыбка. Только подумайте, какой силой обладают слова! Возвышенный философский аспект слова обладает такой же силой, что и его повседневное употребление. Днем и ночью мы прибегаем к этой силе, не задумываясь ни над тем, что мы делаем, ни над ее природой. Познание природы этой силы и обучение ее правильному использованию тоже составляют часть *карма-йоги*.

Наш долг по отношению к другим заключается в том, чтобы оказывать им помощь, творить добро окружающему миру. А почему мы должны делать добро окружающему миру? Нам кажется, что это делается для того, чтобы помочь другим, на самом же деле — чтобы помочь самим себе. Мы должны стремиться помогать миру, это главный мотив нашей деятельности, однако, хорошенько подумав, мы поймем, что мир не нуждается в нашей помощи. Не так он устроен, что вы или я должны прийти ему на помощь. Я читал однажды проповедь, в которой говорилось: этот прекрасный мир хорош тем, что дает нам время и возможность помогать другим людям. Чувство это кажется весьма благородным, но нет ли богохульства в предположении, будто мир нуждается в нашей помощи? Невозможно отрицать, что в мире много страданий, поэтому помощь страждущим — лучшее из возможных деяний для нас, хотя, в конечном счете, мы неизменно убеждаемся: помогая другим, мы помогаем самим себе. Когда я был ребенком, у меня была белая мышь. Она жила в небольшом ящике, в котором были маленькие колесики. И когда мышь влезала на колесо, оно крутилось и крутилось, а мышь оставалась на месте. Так же и с миром и нашей помощью ему. Единственная помощь состоит в моральных поступках. Настоящий мир сам по себе ни добр, ни зол; каждый человек сотворяет свой мир для себя. Слепому мир должен представляться либо мягким, либо твердым, либо холодным, либо горячим. Мы либо счастливы, либо несчастливы. И это мы могли наблюдать много раз в жизни. Как правило, молодые бывают оптимистами, старые — пессимистами. Перед молодыми — вся жизнь, старики сетуют на то, что их жизнь прошла, а сотни желаний по-прежнему кипят в их сердцах. И то и другое одинаково глупо. Жизнь прекрасна или ужасна не сама по себе, а в зависимости от того, с каким состоянием души мы подходим к ней. Сам по себе огонь не может быть ни добрым, ни злым. Когда он нас согревает, мы ему радуемся, когда он обжигает нам пальцы, браним, но огонь-то здесь ни при чем. Хорош он или плох, зависит от того, как мы его используем. Так же и мир. Мир совершенен. Он совершенен потому, что совершенно приспособлен для собственного существования. Нам незачем сомневаться в том, что он останется совершенным и без нас, поэтому нам нет надобности ломать себе головы над тем, как бы помочь ему.

И все же мы должны творить добро, желание творить добро является наивысшим побудительным мотивом наших поступков, при условии, что мы ни на миг не забываем, что помогать другим есть привилегия. Не взбирайтесь на пьедестал с пятью центами в руке, чтобы подать их бедному, будьте благодарны бедняку за то, что он, предоставив вам возможность одарить его, позволил вам помочь себе. Благословен не получающий, но дающий. Будьте благодарны за то, что вам дано проявить силу вашего доброжелательства и милосердия, став от этого совершеннее и чище. Ну что мы можем сделать в самом лучшем случае? Построить больницу, проложить дорогу, открыть благотворительный приют. Можем начать сбор средств на благотворительность, собрать два или три миллиона долларов, на один миллион построить больницу, еще миллион истратить на балы с шампанским, дать разворовать половину оставшейся суммы, а уж если что-то еще останется, использовать на бедных. Ну и что? Могучий ураган в пять минут может разрушить все построенное, и что тогда? Вулканическое извержение может уничтожить все наши больницы, дороги и целые города. Прекратим глупые разговоры о помощи миру, он не ждет помощи от вас или от меня, но все равно мы обязаны непрестанно трудиться и творить добро, потому что это благо для нас самих. Это и есть наш путь к совершенству, единственный путь. Ни один нищий, которому мы помогли, не должен нам ни цента, это мы в долгу перед ним, потому что он дал нам возможность проявить милосердие. Совершеннейшая ошибка полагать, будто мы сделали или можем сделать доброе дело миру, равно как и считать, будто мы помогли тому или другому человеку. Это глупая мысль, а все глупые мысли несут страдание. Мы думаем, что кому-то помогли, ожидаем его благодарности и, если нас не благодарят, чувствуем себя несчастными. Зачем ожидать воздаяния за сделанное нами? Будьте благодар-

ны тому, кому вы помогли, думайте о нем как о Боге. Разве это не великая привилегия — иметь возможность почитать Бога, помогая людям? Если мы по-настоящему свободны от привязанности к плодам наших деяний, нам не грозит и страдание от несбывшихся ожиданий и мы можем с прежней радостью продолжать делать добрые дела. Труд, от которого мы ничего не ожидаем для себя, никогда не заставит нас мучиться и страдать. В мире же вечно будет существовать и счастье, и несчастье.

Жил-был однажды бедняк, которому сильно хотелось разбогатеть. Он прослышал, что если поймать привидение, то привидение можно заставить добыть и денег, и чего пожелаешь. Стал бедняк думать, где найти привидение, и вспомнил про мудреца, обладавшего большим могуществом. Пошел он к мудрецу просить о помощи. Мудрец спросил, зачем ему потребовалось привидение, «Хочу, чтоб привидение работало на меня, мне это очень нужно», — упрашивал мудреца бедняк. Но мудрец пожал плечами и велел ему возвращаться домой. На другой день человек явился снова со своей просьбой и наконец добился своего. Мудрец сказал: «Хорошо же, я дам тебе заклинание, и, как только ты произнесешь его, перед тобой встанет привидение и будет исполнять все твои приказы. Но учти, привидение — страшное существо, оно должно быть постоянно чем-то занято, и, если ты не займешь его работой, оно тебя убьет!» — «Не беспокойтесь, оно будет всегда при деле!» — ответил человек.

Он бросился в лес и повторял заклинание, пока не появилось перед ним громадное привидение. «Ты подчинил меня себе, — сказала привидение, — но у меня все время должна быть работа. Если мне нечего будет делать, я тебя убью». — «Построй мне дворец!» — «Готово!» — ответило привидение. «Хочу кучу денег!» — «Вот они!» — «Выруби лес и выстрой здесь город!» — «Готово! Что еще?» Человек струсил — он никак не ожидал, что все его желания будут мгновенно исполняться. А привидение потребовало: «Найди мне дело, или я тебя съем!» Несчастный больше ничего не мог придумать и бросился со всех ног обратно к мудрецу. «Спаси меня!» — взмолился он. «А что случилось?» — «Мне больше нечем занять привидение, и оно грозит съесть меня!» — «И съем!» — прорычало привидение, появляясь рядом. «Я спасу тебя, — сказал мудрец. — Видишь, вон там собака, у которой хвост крючком. Скорее отруби собачий хвост и прикажи привидению распрямить его!» Человек сделал, как было сказано, и приказал привидению: «Расправь собачий хвост!»

Привидение медленно и старательно расправило хвост, но он тут же снова согнулся. День и ночь старалось привидение, но собачий хвост распрямить не могло. Привидение изнемогло и предложило человеку: «Давай договариваться. Ни разу не доставалась мне такая работенка! Отпусти меня на волю, а я оставлю тебе все, что ты у меня попросил». Человек с радостью согласился.

Мир похож на этот собачий хвост крючком;²⁷ люди веками старались распрямить его, а он опять сгибался по-своему. Да и могло ли быть иначе? Сначала надо научиться работать, ничего не ожидая взамен, тогда перестанешь быть фанатиком. Зная, что мир похож на собачий загнутый хвост, который все равно не разогнешь, вы не сделаетесь фанатиком. Если бы в мире не было фанатизма, он бы гораздо дальше прошел по пути прогресса. Ошибочно считать, что фанатизм способствует прогрессу человечества. Напротив, это тормоз, ибо фанатизм порождает ненависть и злобу, сеет раздоры и недружелюбие. Мы начинаем думать, будто то, что мы делаем или имеем, — это лучшее на свете, а что мы не делаем или не имеем, не обладает никакой ценностью. Поэтому, если чувствуешь, что готов занять фанатическую позицию в отношении чего-либо, вспомни о собачьем хвосте крючком. Не нужно тревожиться и не спать ночами из-за мира, он и без нас будет существовать. Надо избегать фанатизма, тогда, и только тогда, вы будете хорошо работать. Хорошо работает и приносит себе пользу человек разумный, спокойный, с трезвыми суждениями и хорошими нервами, исполненный доброжелательства и любви. Фанатик глуп и недоброжелателен, но он и мир не исправит, и сам не станет совершенным и чистым.

Итак, возвращаясь к основным положениям сегодняшней лекции, во-первых, мы обязаны помнить, что все являемся должниками мира, мир же нам ничего не задолжал. Возможность что-либо сделать для людей — огромная привилегия. Помогая другим, на самом деле мы помогаем себе. Во-вторых, есть Бог во вселенной. Неправда, будто она предоставлена самой себе и ждет помощи от вас или от меня. Бог постоянно присутствует во вселенной, Он бессмертен, Он вечно активен и беспредельно внимателен. Когда вся вселенная спит, Он бодрствует, Он непрестанно трудится, все перемены во вселенной, все проявления жизни есть плоды Его труда. В-третьих, мы не должны никого ненавидеть. Добро и зло перемешаны в этом мире, и так будет всегда. Наш долг сочувствовать слабому и любить даже того, кто поступает плохо. Мир можно рассматривать как великую школу нравственности, где все мы должны брать уроки духовного самосовершенствования. И в-четвертых, фанатизм недопустим ни в чем, ибо он противоположен любви. Но все слышали хитроумное заявление фанатиков, когда в оправдание своих действий они говорят: я не грешника ненавижу, а сам грех. Много бы я отдал, чтобы увидеть человека, способного действительно сделать различие между грешником и грехом. Легко так говорить. Умей мы различать качество и субстанцию, мы были бы совершенными людьми, но это не так-то просто. И наконец, чем мы уравновешеннее, чем спокойней наши нервы, тем больше в нас любви и тем лучше мы трудимся.

²⁷ Этот образ часто встречается в повествовательной литературе. Существует высказывание: «Двенадцать лет умищивали, растирали, веревками привязывали собачий хвост, но лишь отпустили его, он стал таким же, как прежде».

Глава VI

НЕЗАВИСИМОСТЬ ЕСТЬ ПОЛНОЕ САМООТРЕЧЕНИЕ

Всякое действие, совершаемое нами, возвращается к нам же в виде противодействия; точно таким же образом наши действия сказываются на других людях, а их — на нас. Вы наверняка все замечали, что человек, позволивший себе плохой поступок, постепенно становится все хуже и хуже, человек же, начавший творить добро, делается все сильнее и привыкает поступать хорошо. Это возрастающее воздействие поступка невозможно объяснить ничем иным, кроме факта нашей подверженности влиянию друг на друга. Возьмем пример из области физических явлений: когда я совершаю определенный поступок, мой ум работает на определенной волне, испускает определенные колебания. Они сказываются на умах других людей, находящихся в сходных обстоятельствах. Если в помещении находится несколько различных, но одинаково настроенных музыкальных инструментов, то звук одного вызовет резонанс остальных. Так и люди, настроенные, так сказать, на одну волну, испытают на себе резонанс близкой им мысли. Конечно, здесь будут играть роль и расстояние, и другие факторы, но важно отметить, что ум всегда восприимчив к воздействиям. Допустим, я делаю что-то плохое, мой ум испускает при этом определенные колебания, тогда все остальные умы во вселенной, пребывающие в подобном состоянии, могут быть затронуты моими колебаниями, вибрациями. Соответственно, если я делаю доброе дело и ум мой находится в другом состоянии, тогда все, что настроено на близкую мне волну, может испытать мое влияние; сила же воздействия одного ума на другой зависит от силы импульса.

Продолжая сравнение, можно предположить, что как световые волны путешествуют миллионы лет, прежде чем входят в соприкосновение с определенным объектом, так и вибрации мысли могут путешествовать сотни лет, прежде чем достигнут объекта, который завибрирует в унисон. Поэтому можно предположить, что вся земная атмосфера наполнена вибрациями мысли — и добрыми, и дурными. Любая мысль, рожденная любимым мозгом, живет в вибрациях, пока не входит в соприкосновение с воспринимающим объектом. Ум, открытый воздействиям тех или иных импульсов, немедленно воспринимает их. Таким образом, когда человек совершает плохой поступок, он настраивается на определенную волну, и все волны, соответствующие его состоянию, которые предположительно оказались раньше в атмосфере, начинают усиленно воздействовать на него. Именно поэтому человек, совершив один дурной поступок, как правило, продолжает в том же духе. Его действия интенсифицируются. Тот же процесс мы увидим при совершении доброго дела. Сделавший добро распахнется навстречу положительным вибрациям в атмосфере, и его добрые дела будут становиться интенсивней. Следовательно, поступая плохо, мы подвергаемся двойной опасности: во-первых, мы открываемся для всех плохих влияний вокруг, а во-вторых, мы сами творим зло, которое повлияет на других, может быть, и через сотни лет. Творя зло, мы причиняем вред себе и другим. Творя добро, мы делаем добрые дела и себе, и другим; как все, что есть в человеке, внутренние силы добра и зла получают поддержку извне.

В соответствии с *карма-йогой* любое действие человека необратимо продолжается, пока не даст плодов, и никакая сила в природе не может помешать проявиться его результатам. Если я совершаю дурной поступок, я за него поплачусь, нет силы в природе, способной остановить этот процесс. Равно как ничто не мешает доброду делу дать добрые плоды. Причина должна иметь следствие, этот закон непреложен. Здесь перед изучающим *карма-йогу* встает очень сложная и серьезная проблема: все человеческие действия, добрые и дурные, тесно связаны между собой. Невозможно провести разграничительную линию и сказать — вот целиком доброе дело, а вот целиком дурное. Нет действия, которое не принесло бы и хорошие, и дурные плоды одновременно. Возьмем такой пример: я с вами говорю, и, наверное, кто-то из вас считает, что я занят добрым делом. Но в то же самое время я, возможно, убиваю тысячи микробов в воздухе, творя таким образом и зло. О происходящем рядом с нами и имеющем положительный эффект на тех, кого мы знаем, мы говорим, что произошло нечто хорошее. Вы можете сказать, что мое выступление перед вами — хорошо, однако микробы так бы не сказали. Микробов вы не видите, а себя видите. Вам ясно, как мое выступление действует на вас, но менее ясно, как оно действует на микробов. Аналогичным образом, если мы проанализируем свои дурные поступки, мы вполне можем обнаружить, что в них есть и нечто хорошее. Кто в добром поступке способен увидеть и дурное, кто в самом злом деянии может найти и нечто положительное, тот познал тайну действия.

Что же из этого вытекает? А то, что, сколько бы мы ни старались, мы не отыщем действия, которое было бы совершенно чистым или, наоборот, совсем лишенным чистоты, подразумевая под чистотой или ее отсутствием причинение или непринятие вреда. Мы не можем ни дышать, ни жить, не причиняя кому-то вреда, каждый кусочек, съедаемый нами, отнят у кого-то. Сама наша жизнь теснит другие жизни, животных или микробов, кого-то мы постоянно ущемляем. Но в таком случае, сколько бы мы ни трудились, нам не достигнуть совершенства. Трудись мы хоть целую вечность, все равно мы не выйдем из этого противоречия, ибо не будет конца неизбежной соединенности добра и зла в результатах наших действий.

Но тут нужно задуматься и спросить себя: ради чего трудится человек? Великое множество людей в разных странах верят, что наступит время, когда мир придет к совершенству и не будет в нем ни болезней, ни смерти, ни несчастья, ни злобы. Это очень привлекательная мысль и прекрасный стимул, способный вдохновлять и возвышать невежественных, но стоит нам поглубже вникнуть, и мы сразу поймем, насколько это невозможно. Разве возможно это, если добро и зло суть лишь разные стороны одной медали? Как можно творить добро, не творя вместе с этим и зло? И что такое совершенство? Само выражение «совершенная жизнь» несет в себе терминологическое противоречие: жизнь есть непрекращающееся противоборство между нами и внешним миром. В самом деле, ведь мы каждый миг ведем борьбу с природой вне нас, и, если мы терпим поражение, это означает конец нашей жизни. Мы, например, постоянно боремся за пищу и воздух, если их нет, мы погибаем. Жизнь не просто и плавно протекающий процесс, а сложное борение между тем, что внутри нас, и внешним миром. Ясно одно: прекращение этой борьбы и есть конец жизни.

Идеал счастья есть прекращение борьбы, но тогда мы и жить перестанем, поскольку борьба кончается только вместе с жизнью. Мы убедились, что, помогая миру, мы на самом деле помогаем себе. Главный результат труда на благо других заключен в том, что он очищает нас. Трудясь не покладая рук на благо других, мы стараемся забыть о себе, и это самозабвение есть самый великий урок, который мы должны усвоить в жизни. Человек наивно полагает, будто может сделать себя счастливым, и только после долгих лет борьбы приходит к выводу, что подлинное счастье состоит в том, чтобы избавиться от эгоизма, а этого счастья может добиться только он сам. Каждый милосердный поступок, каждая сочувственная мысль, каждое движение помощи, каждое доброе дело уменьшает наше представление о собственной значимости, приучает нас смотреть на себя как на существа малозначительные, думать о себе в последнюю очередь, и поэтому все это — добро. На этом сходятся и *джняна*, и *бхакти*, и *карма*. Высочайший идеал — это постоянное и полное самопожертвование, при котором «Я» исчезает, уступая место «Ты». К этому идеалу и ведет человека *карма-йога*, независимо от того, сознает или нет это человек. Религиозного проповедника мысль о безличном Боге может привести в ужас, он может настаивать на существовании личностного Бога и стремиться сохранить свое «Я», свою индивидуальность, что бы он под этим ни имел в виду. Но если он честный человек, его этический идеал не может не выжидаться на высочайшей жертвенности. Жертвенность — основа всей моральности, которая может распространяться на людей, животных или ангелов; это фундаментальный принцип, проходящий через все этические системы.

В мире есть люди разных категорий. Прежде всего люди Бога, для которых полная жертвенность абсолютна, которые способны только на добро во имя других, даже ценой собственных жизней. Эти люди духовно выше всех других. Если найдется в стране сотня таких людей, этой стране не нужно отчаиваться никогда. Можно лишь пожалеть о том, как мало бывает таких. Затем, есть хорошие люди, которые готовы делать добро другим, если оно не во вред себе. Есть третья категория людей, думающих о собственном благе, но не заботящихся о том, чтобы не повредить другим. И наконец, как сказал санскритский поэт, есть четвертая, безымянная категория людей²⁸, которые получают удовольствие, причиняя страдания другим. Существуют как бы два полюса: на одном те, кто творит добро ради самого добра, на другом — творящие зло ради самого зла. Они ничего при этом не выигрывают, зло присуще самой их природе.

Есть два санскритских термина: *правритти* и *нивритти*. Первый означает вращение с приближением к объекту, второй — вращение с удалением от него. «Вращение с приближением» и есть то, что мы зовем миром, все это «Я и мое», обогащение «Я» деньгами, властью, славой, стремление стянуть все возможное к единому центру, подразумевая под центром, конечно же, свое «Я». *Правритти* — естественная склонность всякого человека собрать все отовсюду и сосредоточить все вокруг любимого «Я». Когда эта тенденция начинает нарушаться, то есть когда возникает *нивритти*, «вращение с удалением», тогда появляется моральность и религиозность. Труд неизбежно связан с *правритти* и с *нивритти*: преобладание первого делает труд злым, а второго — добрым. *Нивритти* составляет основу всех нравственных установлений и всех религий, ибо в полном своем выражении это и есть совершенная жертвенность, готовность пожертвовать и душой, и телом ради других. Человек, достигший этого состояния, достиг совершенства, о котором говорится в *карма-йоге*. Это высочайший результат добрых деяний. Пускай он не знаком ни с одной из философских систем, пускай не верит и никогда не верил в Бога, ни единой молитвы в жизни своей не прочитал, но если просто силой добрых деяний он достиг готовности пожертвовать всем ради других, он достиг того же, что верующий своими молитвами, а философ своими знаниями. Человек мысли, человек веры и человек труда приходят к одному и тому же — к самоотречению. Люди могут придерживаться различных философских взглядов и верить в разных богов, но все человечество преклоняется перед тем, кто жертвует собой ради других. Это не вопрос веры или убеждений, даже те, кто настроен против религии как

²⁸ Этим поэтом мог быть, например, Бхартрихари (первая половина VII в. н. э.). Схожий текст есть и в Законах Ману, IV, 170: («... кто всегда находит удовольствие в причинении вреда»). Категория таких людей обозначается, как «неназываемая», потому что, согласно разработанному в санхье учению о трехгунной природе пракрита, характер, «образ» человека определяется тем, какая из трех гун преобладает в его телесном веществе. См. выше примеч. 3.

таковой, не могут не преклоняться перед безоговорочным самопожертвованием. Ну разве не попадались вам фанатичные христиане, которые, прочтя «Свет Азии» Эдвина Арнольда²⁹, склоняли головы перед образом Будды, не чтившего Бога, но чтившего самопожертвование? Единственное, чего фанатику не понять, так это то, что он в своей жизни преследует те же цели, что и не признаваемые им иноверцы. Верующий, постоянно помнящий Бога и стремящийся к добру, рано или поздно приходит к тому же и со словами «Да будет воля твоя» отказывается от всего. Это и есть самоотречение. Философ, изучая мир, приходит к выводу о том, что видимое «Я» — самообман, и с легкостью отказывается от него. Это и есть самоотрицание. Тут сходятся карма, джняна и бхакти. Это имели в виду законоучители древности, утверждая, что Бог не есть мир. Мир — это одно, а Бог — нечто совсем другое, и различие здесь явно. Мир — это эгоизм, а Бог — это отсутствие эгоизма. Можно жить во дворце, сидеть на троне и быть свободным от эгоизма — тогда человек един с Богом. Можно жить в хижине, одеваться в лохмотья, ничего не иметь, но быть эгоистичным, а значит, быть единым с миром.

Возвратимся к очень важному положению: мы говорим, что невозможно творить добро, не делая в то же время и зла; как невозможно делать зло, не совершая добра. Как можно работать, зная, что это так? В поисках ответа на этот вопрос на свете возникли секты, проповедовавшие в качестве выхода поразительное постепенное самоубийство — человек ведь не может жить, не убивая бедных маленьких животных или растения, совсем не причиняя никому вреда. Следовательно, смерть есть единственный выход. Джайны³⁰ провозгласили эту доктрину своим высочайшим идеалом. Их учение на первый взгляд весьма логично. Однако не оно, а «Бхагавадгита» предлагает настоящий ответ на вопрос. Суть в том, чтобы, делая свое дело, не ожидать воздаяния за него. Надо помнить, что, хотя вы живете в мире, вы совершенно отделены от него, и, что бы вы ни делали, вы делаете это ради себя, а не ради других. Любое действие, совершенное вами ради себя, скажется на вас же. Если это доброе дело, вы ощутите воздействие добра, если дурное — оно отразится на вас злом, однако действие, совершенное ради других, каким бы оно ни было, не окажет воздействия на вас. В древних книгах есть очень емкое объяснение: «Если он даже погубит всю вселенную, не будет он ни погубителем, ни погубленным, коли знает, что действовал отнюдь не ради себя»³¹.

Потому и учит карма-йога: «Не отрекайся от мира, живи в миру, впитывая его влияние, сколько возможно, но, если делаешь что-то ради собственного удовольствия, лучше не делай этого совсем». Не собственное удовлетворение должно быть целью. Сначала отрешитесь от своего «Я» и научитесь воспринимать весь мир как часть себя. Ранние христиане говорили³², что «старый человек должен умереть»: старый человек — это эгоистическое представление о том, что мир сотворен для нашего удовольствия. Неумные родители учат детей молиться: «О Боже, ты создал это солнце для меня и эту луну для меня». Будто Богу больше нечего было делать, как создавать и солнце, и луну для малышей! Не учите детей этим глупостям. Так же неумно утверждать, что животные созданы для того, чтобы мы их убивали и питались их мясом, и что мир предназначен для наших удовольствий. С таким же успехом тигр может утверждать, что человек создан для него, и молиться: «Боже, как порочны люди, которые не приходят и не отдаются мне на съедение, нарушая твой закон».

Если мир сотворен для нас, то и мы сотворены для мира. Представление, будто мир существует ради нашего удовольствия, есть порочнейшая мысль, которая мешает нашему развитию. Мир существует не для нас. Миллионы из нас покидают его каждый год, но мир этого не замечает, их заменяют другие миллионы. Как мир существует ради нас, так и мы существуем ради мира.

Поэтому, чтобы научиться настоящему труду, нужно, во-первых, освободиться от идеи зависимости. Во-вторых, не вмешивайтесь в драку, будьте наблюдателями и продолжайте делать свое дело. Мой учитель обычно

²⁹ Э. Арнольд (1831—1904) — известный английский поэт и журналист. В 50-е годы XIX в. возглавлял Санскритский колледж в Пуне, затем жил в Японии. Э. Арнольд перевел или пересказал многие произведения из буддийского и индуистского наследия. Поэма «Свет Азии» — жизнеописание Будды — издавалась во второй половине XIX в. в Индии и Англии десятки раз; в 1879 г. впервые была опубликована в Америке, в 1890 г. — в России. «Свет Азии» — одна из самых читаемых книг XIX в.: о ней неоднократно упоминают М. К. Ганди, Дж. Неру, ее знал Л. Толстой. За эту книгу Э. Арнольд был награжден сиамским королем Орденом Белого Слона.

³⁰ Джайны — последователи джайнизма — религиозного учения, сложившегося примерно в VI—V вв. до н. э. как «еретическое», то есть не признающее авторитет Вед. Связывается с его основателем Махавирой Вардхаманой, современником Будды. В джайнизме много общего с санкхьей; одно из различий состоит в толковании «спасения»: джайны понимают спасение души как освобождение от кармы, то есть особой, необычайно тонкой материи, похожей на липкую грязь. Праведная жизнь как необходимое условие освобождения означает для джайнов неукоснительное соблюдение этических правил, среди которых огромное место занимает принцип «непричинения вреда». Он и лежит в основе тех многочисленных требований, которые должны соблюдать последователи джайнизма (не заниматься земледелием, избегать неосторожных вдохов и выдохов и пр.).

³¹ В таком виде текст не соотносится ни с одним из известных нам памятников. Общая мысль подробно представлена в Бхагавадгите, II, 19, но добавлено: «коли знает, что действовал отнюдь не ради себя».

³² Соотносится с Посланием Апостола Павла к Римлянам, 6; 7; 8.

говорил:³³ относитесь к собственным детям, как относится к ним няня. Няня и ухаживает за вашим ребенком, и ласкает его, и играет с ним так нежно, как если бы это был ее ребенок, но как только вы решите расчитать няню, она соберется и оставит ваш дом. Она уйдет к другим детям, безболезненно расставшись с вашим ребенком. Вот так же и вы должны относиться ко всему, что считаете своим. Если вы человек верующий, то считайте, что все, принадлежащее вам, на самом деле принадлежит Богу. Самые большие наши слабости часто маскируются под сильные и добрые стороны нашего характера. Думать, будто кто-то зависит от меня, а я могу сделать ему добро, — это слабость. Именно такие мысли лежат в основе наших привязанностей, а привязанности и есть источник всех наших страданий. Нужно научиться понимать, что во всей вселенной никто от нас не зависит, что ни один нищий не зависит от нашего подаяния, никакая живая душа не зависит от нашей доброты, ни одно живое существо — от нашей помощи. Всем вам помогает природа и будет помогать всегда, пусть даже миллионы покинут этот мир. Природа вещей для таких, как вы и я, не изменится. Мы уже говорили о том, что наша с вами священная привилегия — совершенствоваться, помогая друг другу. Это великий урок жизни, усвоив который мы никогда не будем несчастливы, мы получим возможность свободно общаться со всеми безо всякого вреда. Вы, возможно, имеете мужей и жен, у вас могут быть множество слуг или целые царства, но, если вы действуете по принципу, что мир существует не для вас и может обойтись без вас, вы не причините никому вреда. Может быть, в этом году умер кто-то из ваших друзей. Разве мир остановился из-за того, что его не стало? Разве застыло течение жизни? Нет, все продолжается. А потому выбросьте из головы мысль о том, что вы обязаны что-то делать ради мира, мир не нуждается в вашей помощи. Чистейшая глупость полагать, будто кто-то из нас родился помогать миру; это просто гордыня, эгоизм, маскирующийся под добродетель. Если вы приучите свой ум и свой характер к мысли о том, что мир ни от вас, ни от кого другого не зависит, то ваш труд никогда не принесет вам боли. Если вы даете другому, ничего не ожидая взамен, даже простой благодарности, неблагодарность не заставит вас страдать, раз вы ничего и не ожидали, раз вам и мысль в голову не пришла, будто вы имеете право на воздаяние. Вы дали человеку то, что он заслужил, это его собственная карма помогла ему, а ваша карма сделала вас подающим. Чем же тут гордиться? Вы посланец, вручивший деньги или другой дар, который мир заслужил своей кармой. Гордиться совершенно нечем. Нет ничего особенного в том, что вы вручили миру. Когда вы проникнетесь духом отрешенности, не станет для вас ни добра, ни зла. Разницу между добром и злом вносит ваш эгоизм. Это очень трудно уяснить себе, но со временем вы поймете, что ничто во всей вселенной не имеет власти над вами, пока вы сами не допустите власти над собой. Ничто не властно над человеческим «Я», пока «Я» не сделает глупость и не утратит независимость. Освободившись от привязанностей, вы освободитесь и от власти чего бы то ни было над собой. Очень легко сказать, что ничто не имеет власти над нами, пока мы сами не допустим этого. Но что является истинным признаком человека, который действительно не позволяет воздействовать на себя, который ни счастлив, ни несчастлив от воздействий внешнего мира? Таким признаком является то, что удача или неудача не влияют на него: в любой ситуации он остается одним и тем же.

В Индии жил великий мудрец по имени Вьяса³⁴. Он, известный как автор многих афоризмов веданты, был святым человеком. Отец Вьясы стремился достичь совершенства, но не сумел, как и дед его, а еще раньше и прадед. Сам Вьяса тоже не во всем преуспел, но зато сын его Шука был совершенен от рождения. Вьяса научил своего сына мудрости, привел к познанию самой Истины и тогда отправил его ко двору великого царя Джанаки. Царя называли Джанака Видеха³⁵ (*видеха* означает «бестелесный»). Хотя он и был царем, но забыл о плоти и жил чистым духом. Юный Шука отправился к царю учиться. Царь знал, что к нему едет сын Вьясы учиться мудрости, и заранее приготовился. Когда юноша явился к дворцовым воротам, стража не обратила на него никакого внимания. Ему только предложили сесть, он просидел в ожидании три дня и три ночи, и с ним никто так и не заговорил,

³³ Вивекананда имеет в виду своего духовного учителя Рамакришну Парамахамсу (1836—1886). Рамакришна не оставил рукописного наследия. На сегодняшний день признанными источниками его учения считаются записи учеников: так называемое Евангелие Рамакришны, составленное Махендратхом Гуптой, и биография, написанная Свами Сараданандой. На русском языке есть следующие работы: Провозвестие Рамакришны. С предисловием и введением Суами Абедананда. СПб., 1914; Мюллер М. Шри Рамакришна Парамагамза. Его жизнь и учение. М., 1913; Рамакришна. Биографический очерк. М., 1915. Книга Р. Роллана (Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны.— Собр. соч., т. 19. Л., 1936) написана на основании многих достоверных материалов и нередко привлекается как источник.

³⁴ *Вьяса* (родной дед кауравов и пандавов) считается составителем Вед, эпических произведений, сутр веданты (хотя чаще всего они называются Брахма сутры Бадараяны). Ученые склоняются к мнению, что имя Вьяса не соотносится с каким-то отдельным человеком и используется как имя собирательное. Сын Вьясы по имени Шука описывается в эпосе как праведник, занимавшийся аскезой с самого раннего возраста. Он достиг такой степени святости, что был вознесен на небо.

³⁵ *Царь Джанака* был известен своей праведностью и ученостью. Его имя часто встречается в поздневедийской литературе. Традиция связывает с ним государство Видеху, расположенное в северной части современного Бихара. В его царстве, согласно традиции, жили великие мудрецы, в том числе и мудрец Яджнявалкья, о котором говорится в Брихадараньяка-упанишаде и Каушитаки-упанишаде. О Джанаке упоминается в Бхагавадгите как о царе-мудреце, достигшем высшего знания не аскезой, а исполнением своего долга правителя государства, Бхагавадгита, III, 20.

не спросил, кто он такой и откуда. А Шука был сыном великого мудреца, чтимого всем народом, да и сам был человеком уважаемым, но грубые, невоспитанные стражи даже не смотрели в его сторону. По истечении трех дней вдруг вышли к воротам царские придворные и приняли Шуку с большим почетом. Его провели во дворец, поместили в великолепных покоях, омыли водой с благовониями, одели в дорожные одежды и восемь дней всячески ублажали юношу. Но спокойное лицо Шуки не изменилось от перемены в обращении, в роскошных покоях он вел себя так же, как на скамеечке у ворот. Тогда привели Шуку к царю. Тот восседал на троне, играла музыка, танцевали прекрасные танцовщицы. Царь протянул Шуке чашу, до самых краев наполненную молоком, и велел ему семь раз обойти зал, но не пролить ни капли. Юноша взял чашу и, не обращая внимания на музыку и танцы, семь раз обошел зал, не пролив ни капли, — ничто на свете не могло отвлечь его ум, если только он сам не желал этого. Когда он вернул чашу царю Джанаке, царь сказал: «Чему научил тебя отец и чему ты научился сам, я могу только повторить. Ты познал Истину, отправляйся обратно домой».

Человек, владеющий собой, не испытывает воздействий извне, он более не раб. Его ум свободен. Только такой человек способен хорошо жить в мире. Обычно же люди держатся двух разных подходов к миру. Одни — пессимисты и говорят: как ужасен этот мир, как он порочен! Другие — оптимисты и утверждают, что мир прекрасен и удивителен. Кто не научился властвовать над своим умом, для того мир либо полон зла, либо в лучшем случае представляет собой смешение добра и зла. Этот же мир станет для нас таким, каким его видит оптимист, если мы научимся владеть своим умом. Ничто нам не покажется ни хорошим, ни дурным, мы увидим гармонию во всем. Те же люди, которым мир казался адом, называли его раем, научившись контролировать себя. Если мы подлинные карма-йоги и стремимся к достижению самоконтроля, с чего бы мы ни начинали, мы все равно придем к полному самоотречению, и, как только исчезнет наше иллюзорное «Я», мир, казавшийся нам таким порочным, покажется благословенным раем и мы увидим Бога в лице каждого человека. Таковы цель и назначение карма-йоги, таково ее завершение на практике.

Различные йоги не противоречат друг другу, они все ведут нас к одной и той же цели и делают нас совершенными. Весь секрет в постоянной практике, упражнении. Сначала надо слушать, потом думать, затем практиковаться. Это справедливо в отношении любой йоги. Сначала нужно услышать о йоге и понять, что это такое; многие вещи, которые сперва покажутся непонятными, прояснятся от постоянного их выслушивания и обдумывания. Трудно понять все сразу. В конечном счете объяснение заключается в вас самих. Никого нельзя научить, каждый познает сам. Внешний учитель может только навести нас на мысль и побудить внутреннего учителя начать работу по пониманию вещей. Мы сами посредством восприятий и мыслей начнем понимать вещи яснее, потом проникнем в это душой, а душа поможет превратить понятое в волю. Сначала чувство, потом оно делается волей, и из этой воли рождаются огромная сила и желание трудиться, охватывающее наши нервы и мышцы, пока все тело не станет мощным орудием йоги бескорыстного труда, что и приведет нас к желанному результату — полному самоотречению и бескорыстию. Достижение этого никак не связано ни с догматами, ни с доктринами, ни с верованиями. Христианин ли, иудей или еще кто, это не имеет значения. А вы бескорыстны? В этом заключается вопрос. Если да, то вы достигли совершенства, даже не прочтя ни одной религиозной книги, никогда не побывав в церкви или в храме. Каждая из наших йог предназначена для того, чтобы сделать человека совершенным, даже без помощи других, ибо все они ведут к единой цели. Каждая йога — труда, мудрости или любви — может служить прямым и самостоятельным средством для достижения мокши. «Одни глупцы утверждают, что труд и философия вещи разные, просвещенный человек так не считает»³⁶. Просвещенный человек знает, что при всех внешних различиях и то и другое в конечном счете ведет к одной и той же цели — к совершенствованию человека.

³⁶ Текст соотносится с Бхагавадгитой, V, 4. Однако надо иметь в виду, что понятие «йога» (здесь оно означает карма-йогу) употреблено в оригинале шире, чем «труд», поскольку обнимает все виды деятельности (производственную, игровую, познавательную и пр.). Точно так же и слово «санкхья» (здесь оно означает размышление над вечными основами сущего, то есть медитацию) в Бхагавадгите не совпадает с европейским понятием «философия».

Глава VII

СВОБОДА

Мы уже установили, что слово *карма*, кроме труда, психологически означает также причинность. Всякий труд, всякое действие, всякая мысль, имеющая последствия, называется *кармой*. Таким образом, закон кармы — это закон причинно-следственной связи. Где есть причина, там должно быть следствие, эта связь непреложна; в соответствии с нашей философией этот закон кармы действует во всей вселенной. Всё, что мы видим, ощущаем, делаем, любое действие во вселенной, являясь, с одной стороны, следствием, с другой — выступает причиной, которая имеет свое следствие. Здесь необходимо установить, что имеется в виду под словом «закон». Закон есть тенденция явлений к повторяемости. Наблюдая, как одно явление следует за другим или как явления происходят одновременно, мы ожидаем повторения этой последовательности. Логика Древней Индии и философы школы *ньяя* называли этот закон *вьяпти*³⁷. Они считали, что наши представления о законе построены на ассоциациях. Ряд явлений ассоциируется в нашем уме между собой в неизменном порядке, и все наши восприятия соотносятся с установившейся системой. Любая мысль или в соответствии с нашим психологическим подходом любая вибрация, возникающая в *चितте*, в мозгу, сразу же продуцирует другие, подобные себе. Такова психологическая основа ассоциативности; причинно-следственная связь же составляет лишь часть этого общего принципа. Всеобщий ассоциативный принцип и носит санскритское название *вьяпти*. Идея закона во внешнем мире та же, что и в нашем внутреннем: ожидание того, что за определенным явлением последует другое, и ожидание повторяемости этого порядка. Таким образом, по сути, законы не существуют в природе. Утверждение, что закон тяготения существует в земле, ошибочно, равно как и утверждение, что законы объективно существуют где бы то ни было в природе. Закон — это метод, это способ восприятия умом серии явлений, и этот процесс происходит в нашем уме. Определенные явления, которые происходят последовательно или в одно и то же время, и дают нам уверенность в регулярности своего проявления, что, в свою очередь, дает нам возможность уяснить себе структуру всей серии явлений, — вот это и называется законом.

Следующий вопрос, в котором нам предстоит разобраться, — что мы имеем в виду, говоря об универсальности закона? Наша вселенная есть та часть бытия, которую санскритские психологи характеризуют как *деша-каланIMITTA*, а европейские психологи — как пространство, время, причинность. Эта вселенная составляет лишь часть бесконечного бытия, проявляющегося через пространство, время и причинность. Из этого неизбежно вытекает, что любой закон, который мы зовем универсальным, действует только в пределах обусловленного универсума, за его пределами не может быть никаких законов. Говоря об универсуме, мы имеем в виду часть бытия, ограниченную нашим умом, доступную нашему чувственному восприятию, то, что мы способны увидеть, почувствовать, осязать, слышать, думать, воображать. Эта часть подчинена законам, а вне этого бытия не может быть подчинено закону, ибо закон причинно-следственной связи не простирается за пределы, охватываемые нашим умом. Все, что за пределами радиуса действия нашего ума и наших восприятий, уже не подчинено причинно-следственной связи, ибо там уже нет ассоциативности, а без ассоциативности идей нет и причинности. Лишь принимая имя и форму, «бытие», или существование, подпадает под действие причинности, начинает существовать по закону, ибо причинность лежит в основе всех законов. Отсюда явствует, что свободная воля не существует, что сам этот термин внутренне противоречив, поскольку воля есть то, что мы знаем, а все, что мы знаем, входит в наш универсум, все же, что входит в наш универсум, обусловлено пространством, временем и причинностью. Все, что мы знаем или способны познать, должно быть подчинено причинно-следственной связи, а подчиненное закону причинности свободным быть не может: оно имело свою причину и, в свою очередь, станет причиной для следствий. Однако то, что было превращено в волю, не будучи волей прежде, но ставшее человеческой волей в условиях пространства, времени и причинности, сохраняет свободу. И снова будет свободным, выйдя из условий пространства, времени и причинности. Из свободы явившееся, попавшее в рабство, от рабства освободившись, станет свободным опять.

³⁷ *Ньяя* — одна из классических систем индийской философии, оформившаяся примерно к I—III вв. н. э. в *Ньяя сутрах*, приписываемых Готаме. *Ньяя* особенно успешно исследовала условия правильного мышления и средства познания видимого мира. Многие ее теоретические достижения (например, методология ведения дискуссий по выяснению истины) были восприняты и другими философскими школами. Учение о выводе является одним из самых известных теоретических разработок *ньяя*. Рассуждение строилось так: допустим, из-за холма виден дым, но не видно огня — холм огнен, потому что он дымится; все, что дымится, огненно, а то, что не огненно, не дымится; холм дымится, следовательно, холм огнен. «*Вьяпти*» — означает «взаимопроникновение», связь того, что наблюдается (дыма), с тем, что не наблюдается (огонь), но что доступно познанию при правильном логическом рассуждении.

Был поднят вопрос: откуда эта вселенная, на чем держится и куда она движется. И ответ состоит в том, что она произошла из свободы, держится на рабстве и движется обратно в эту свободу. Поэтому, когда мы говорим, что человек есть не что иное, как проявление бесконечного существа, мы имеем в виду, что человек составляет тут лишь ничтожную часть; это тело и этот ум, которые мы видим, — лишь часть целого, крохотная частица, пылинка бесконечного существа. И вся эта вселенная — пылинка бесконечного бытия; все наши законы, наше рабство, наши радости и страдания, наше счастье и наши ожидания — все это существует только в рамках тесной вселенной, в ней умещаются и наши обретения, и наши ошибки. Итак, вы видите, как наивно было бы рассчитывать на продолжение этого универсума, который, в конечном счете, есть порождение нашего ума, и на попадание в рай, что, по сути дела, было бы повторением известного нам мира. Вы видите, насколько и неисполнимо, и наивно это желание подчинить бесконечность бытия тем ограниченным и условным рамкам, которые мы знаем. Когда человек заявляет, что он снова и снова получит то же, что у него есть сейчас, или, как я иногда это называю, просит себе *удобную* религию, можно не сомневаться, что этот человек опустился до такой степени, что перестал стремиться к чему-либо более высокому: он стал частью своей маленькой нынешней среды, и все. Он позабыл о том, что по природе он бесконечен, и всеми помыслами привязался к маленьким радостям и печалям, к сиюминутным страстишкам. Ему кажется, будто его конечное существование и есть бесконечность, более того, он не желает расставаться со своими глупыми представлениями. Он отчаянно цепляется за *тришну*, он испытывает жажду жизни, то, что буддисты зовут *танха* и *тисса*. А между тем за пределами маленькой вселенной, известной нам, могут существовать миллионы видов радостей, форм жизни, законов, прогресса, причинности, ведь мы живем только в малой части нашей бесконечной природы.

Желая добиться свободы, мы должны выйти за пределы этой вселенной — в ее границах свободы нет. Совершенство равновесия, или то, что христиане зовут неизъяснимым покоем, недостижимо ни в нашем универсуме, ни на небесах, ни в каком-то ином месте, доступном нашему уму, нашим мыслям, нашим чувствам или воображению. Там мы не добьемся свободы, ибо все это входит в нашу вселенную, а она ограничена пространством, временем и причинностью. Возможно, есть места более воздушные, чем наша Земля, где удовольствия будут острее, но ведь все они будут во вселенной, а следовательно, подчинены закону, значит, мы должны двигаться дальше, и настоящая религия начинается там, где кончается наша вселенная. Там перестают существовать все эти маленькие радости и печали, там кончается наше знание, и там начинается настоящая реальность. Пока мы не отрешимся от жажды жизни, от сильной связанности с нашим бренным, ограниченным существованием, у нас нет никакой надежды хоть краешком глаза увидеть ту безграничную свободу. В таком случае резонно предположить, что к этой свободе, идеалу высочайших помыслов человечества, ведет лишь один путь — отказ от этой жалкой жизни, от этой маленькой вселенной, от земли и от небес, от тела и от ума, от всего ограниченного и условного. Если мы откажемся от связанности маленькой вселенной наших чувств и ума, то сразу обретем свободу. Ведь единственный способ вырваться из рабства — это выход за пределы закона, за пределы причинности.

Но это самое трудное — отрешиться от прикованности к этой вселенной; лишь очень немногим удавалось это. В индийских книгах описаны два способа: один называется *нетти*, *нетти*³⁸ — не то, не то; второй называется *итти*³⁹ — это. Первый способ — путь негативный, второй — путь позитивный. Труднее всего идти путем отрицания, негативности. Он доступен лишь людям исключительного ума и гигантской воли, способным заявить: «Нет, я отказываюсь от этого», — и тело, и ум повинуются их воле. Но таких людей мало. Большая часть человечества избирает позитивный путь, путь к миру, на котором рабство используется для освобождения от рабства. По-своему это путь отказа, но отказа постепенного, через познание, наслаждение, приобретение опыта, проникновения в природу вещей, пока наконец не пресытится ум и не освободится от привязанностей. Первый путь ведет к отрешенности через логические построения, второй — через труд и опыт. Первый — это путь *джняна-йоги* и отказа от всякого действия, второй — *карма-йоги* и непрерывного труда. В этой вселенной каждый должен трудиться. Не трудятся лишь те, кто полностью удовлетворен Духом, чьи желания устремлены только к Духу, чьи помыслы целиком сосредоточены на Духе, для кого Дух составляет единственный смысл, только они не работают. Остальные должны работать. Поток, текущий по своей воле, катится к низине, низвергаясь, образует водоворот и устремляется дальше. Человеческая жизнь похожа на этот поток: она образует водовороты, кружит в мире пространства, времени и причинности, взывает: «мой отец, мой брат, мое имя, моя слава» и прочее, — но в конце концов возвраща-

³⁸ Имеется в виду Высшая Реальность; она одна, а потому недоступна для мысли и невыразима словами. Нет ничего вне самой этой Реальности, поэтому невозможно объяснить одно через другое (и говорящий о Реальности будет частью той же самой Реальности; и у него нет предмета, с которым он мог бы сравнивать эту Реальность). Эта позиция, разработанная в Упанишадах, сопоставима с позицией европейских приверженцев «негативной теологии» («Бога определить нельзя»), Брихадараньяка-упанишада, III, 9, 26; II, 3, 6; IV, 5, 15.

³⁹ Речь идет о тех, кто понимает Высшее начало иначе: оно мыслится как наделенное качествами и всеохватывающее начало. Тогда Высшая Реальность «порождает, поддерживает и поглощает» мир. Такая позиция сопоставима с воззрениями сторонников «позитивной теологии» в средневековой Европе. «Все есть — Брахман», Чхандогья-упанишада, III, 14, 1; Майтри-упанишада, IV, 6; Мандукья-упанишада, II, 2, 11.

ется к своей первозданной свободе. Так происходит со всем во вселенной. Зная или нет, сознавая или нет, но все мы трудимся над тем, чтобы стряхнуть с себя сон этого мира. Опыт, который накапливает человек в мире, нужен, чтобы выбраться из водоворота.

Что такое *карма-йога*? Познание тайны труда. Мы видим, что вся вселенная трудится. Во имя чего? Во имя освобождения, во имя свободы; все, от атома до высочайших созданий, трудится во имя единственной цели: свободы ума, тела, духа. Все стремится к свободе, все бежит от рабства. Солнце, Луна, Земля, планеты — все стремится к освобождению. Для нашей вселенной типичны центробежные и центростремительные силы. Вместо того чтобы наугад нащупывать свой путь в жизни и лишь после многих мытарств понять вселенную как она есть, мы можем понять через *карма-йогу* тайну труда, метод труда и организующую силу труда. Масса энергии может быть растрачена впустую, если не знать, как ее использовать. *Карма-йога* превращает труд в науку, она учит, как наилучшим образом использовать устройство этого мира. Труд неизбежен, так и должно быть, но его нужно направить на достижение высочайшей цели. *Карма-йога* заставляет нас признать, что мир наш недолговечен, что мы должны пройти через него, что в нем нет свободы, а есть она за его пределами. Желая освободиться от разнообразных несвобод мира, мы должны пройти через него медленно и уверенно. Бывают личности исключительные, о которых я только что говорил, способные отойти в сторону и отрешиться от мира, как поступают змеи, сбрасывая кожу и более не обращая на нее внимания. Такие личности существуют, но они исключение, обычные же люди должны шаг за шагом продвигаться в мире труда. *Карма-йога* учит, как это делать, в чем тайна труда и как его использовать наилучшим образом.

Чему же учит *карма-йога*? «Трудись непрестанно, но не давай труду поработить тебя»⁴⁰. Отделяй себя от всего, что делаешь. Храни свободу ума. Все, что мы видим вокруг себя, все муки и страдания, составляющие неотъемлемые условия нашего мира, нищета, богатство и счастье — мимолетны, они не имеют отношения к нашей подлинной природе. Мы по своей природе больше, чем несчастье и счастье, больше всего, что воспринимаем чувствами, больше того, что способны вообразить, но мы должны неустанно трудиться. «Страдание не от труда, а от порабощенности им»⁴¹. Стоит нам перестать отделять себя от того, что мы делаем, и мы начинаем чувствовать себя несчастными, отделив же себя, мы не испытываем страданий. Если сгорела прекрасная, но чужая картина, мы, как правило, от этого не страдаем, но если сгорела наша! Почему? Прекрасны были обе картины, может быть, это были копии с одного оригинала, но воспринимаем мы их гибель по-разному: в первом случае мы отделяем себя от картины, во втором же — нет. «Я и мое» — вот что причиняет боль. С чувством собственности приходит эгоизм, а эгоизм ведет к страданию. Всякое проявление эгоизма, даже эгоистические помыслы подчиняют нас, и мы превращаемся в рабов. Всякая вибрация *читты* на тему «я и мое» набрасывает цепь на человека, делая его рабом. Чем чаще мы твердим «я и мое», тем больше на нас цепей, тем сильнее мы страдаем. Поэтому *карма-йога* учит нас любоваться красотой всех картин на свете, но не терять своей отделенности от любой. Никогда не говорите «мое», в противном случае к вам придет страдание. Даже в мыслях не называйте ребенка своим. Ребенок ваш, но не говорите «мое дитя», ибо, если вы начнете так думать, вы будете страдать. Не говорите «мой дом», «мое тело», как это ни трудно. Это тело ни ваше, ни мое, ни чье-нибудь еще. Тело рождается и распадается по законам природы, мы же свободны, мы — сторонние наблюдатели. Тело обладает свободой не большей, чем картина на стене. Что же мы так держимся за тело? Художник написал картину и живет дальше. Не выпускайте щупальца эгоизма: «это должно принадлежать мне», ибо, как только вы их выпустите, вы начнете страдать.

Карма-йога учит, прежде всего, избавляться от привычки выпускать щупальца эгоизма. Когда же вы научитесь этому, крепко держите щупальца и не позволяйте себе эгоистические мысли. После этого вы можете идти в мир и трудиться во всю силу. Общайтесь с кем угодно, отправляйтесь, куда желаете, — зло никогда не коснется вас. Посмотрите, как плавает на воде лист лотоса: вода не может намочить его. Таким будете и вы в миру. Называется это *вайрагья* — бесстрашие или отрешенность. Я уже говорил, что ни одна из *йог* невозможна без отрешенности, отрешенность лежит в основе всех *йог*. Но человек, покидающий свое жилище, отказывающийся от дорогой одежды, от вкусной еды, ушедший отшельником в пустыню, может не быть отрешенным. Он, возможно, поглощен заботой о собственном теле, единственном достоянии, которое он себе оставил. При всех тяготах своей жизни он может просто-напросто заботиться о том, чтобы выжить. Подлинная отрешенность не имеет отношения к тому, что мы делаем со своей внешней оболочкой, — все это внутри нас. Связь «я — мое» — в человеческом уме. Если бы не эти пути, связывающие нас с нашим телом, с чувственными восприятиями, мы были бы не скованы, где бы мы ни находились. Совершенно отрешенным можно быть и находясь на троне; с другой же стороны, даже одетый в отрепья может не знать отрешенности. Итак, прежде всего необходимо достичь состояния отрешенности, а потом браться за работу и трудиться не покладая рук. *Карма-йога* предлагает нам способ отрешения от всего, что нас связывает, хотя способ этот очень труден.

⁴⁰ Соотносится с Бхагавадгитой («совершая действия без привязанности к их плодам»), Бхагавадгита, II, 47.

⁴¹ Соотносится с Бхагавадгитой («кто оставляет действия из-за боязни страдания... не приобретает плодов...»), Бхагавадгита, XVIII, 8.

Существуют два способа отрешенности. Один предназначен для тех, кто не верит в Бога, не верит в какую бы то ни было помощь извне. Эти люди должны полагаться на собственные силы, на свою волю, на свой ум и разборчивость, на то, что они сами скажут себе: я должен быть свободен. Тем, кто верит в Бога, легче, намного легче. Они посвящают Богу плоды своих трудов, они трудятся, не претендуя на полученные результаты. Все, что они видят, чувствуют, слышат или делают, — все ради Него. Если удастся совершить доброе дело, нельзя претендовать ни на пользу от него, ни на славу. Все принадлежит Богу, плоды всех трудов — Его. Мы можем лишь отойти в сторонку, памятуя, что мы — не более чем слуги, исполняющие волю нашего Господа, от которого и исходят начала всех трудов. Все, чему ты поклоняешься, все, что чувствуешь, все, что делаешь, — все поручи воле Бога и живи с миром. Будем жить в согласии, в полном согласии с собой и поручим воле Божьей и наши тела, и наш ум, и все остальное. Пусть это будет нашим вечным жертвоприношением Богу. Вместо сжигания в жертвенниках наших даров и приношений будем день и ночь возносить эту великую жертву — жертвоприношение нашей маленькой души. «В поисках богатства в этом мире лишь одно сокровище нашел я — это Ты; Тебе приношу я себя в жертву. В поисках любви в этом мире лишь одну любовь я нашел — это Ты; Тебе приношу я себя в жертву»⁴². День и ночь будем твердить эти слова и говорить себе: «Мне ничего не надо, ни хорошего, ни плохого, ничего я не хочу, я все приношу в жертву Тебе»⁴³. Будем день и ночь отвергать наше кажущееся «Я», пока не войдет это в привычку, пока не станет это частью нашей крови, нервов, мозга, всего тела и не станет все тело послушно идее самоотречения. А тогда можно выйти на поле битвы под рев орудий и грохот боя и чувствовать себя свободным и спокойным.

Карма-йога учит нас, что обычное представление о долге относится к низкому уровню существования. Тем не менее каждый из нас обязан выполнять свой долг, хотя все мы видим, как часто чувство долга становится источником мук и страданий. Долг становится чем-то вроде болезни, он вечно подгоняет нас, он не дает нам покоя и превращает жизнь в сплошное мучение. Это проклятие человеческой жизни! Долг, чувство долга, как полуденное солнце, выжигает из человечества всю душу. Вы только посмотрите на несчастных рабов долга — долг не оставляет им времени помолиться, не оставляет им времени помыться. Они вечно что-то должны. Они идут на работу — долг! Возвращаются домой и сразу начинают обдумывать завтрашнюю работу — долг! Они живут рабской жизнью и умирают в упряжке, как лошади. Вот что такое чувство долга, как оно обыкновенно понимается. Но наш подлинный долг заключается в том, чтобы сохранять свободу, свободно трудиться, посвящая труд свой Богу. Это наш единственный долг. По благословию Бога очутились мы в этом мире, мы отбываем здесь положенное нам время, а хорошо мы его используем или плохо, кто знает? Если хорошо, мы все равно не видим плодов, если плохо, не наша это забота. Поэтому будьте свободны, делайте свое дело, живите в мире с собой. Но эта свобода трудно дается человеку. Насколько легче истолковать рабство как долг, истолковать как долг болезненную привязанность плоти к плоти! Люди выходят в мир и бьются ради денег или иного предмета своих желаний. Спросите у них, зачем они это делают. Они скажут — из чувства долга. Но тут перед нами не что иное, как глупая жадность и стремление к выгоде, которые человек старается прикрыть цветочками.

Так что же такое долг, в конце концов? Это стремление плоти, это наши желания, которые, став общепризнанными, получают название долга. Например, у народов, где нет института брака, нет и долга между супругами, они живут вместе по привязанности. Когда возникают брачные формы, привязанность между мужчиной и женщиной принимает форму долга. Это своего рода хроническое заболевание. Когда оно в острой форме, мы называем его болезнью, когда оно в хронической форме, говорим, что человек так устроен. Это болезнь. Когда наши желания носят постоянный характер, мы их облагораживаем высоким именем долга. Теперь мы уже имеем право осыпать их цветами, приветствовать их звуками фанфар, воспевать их в священных текстах, после чего люди идут на бой, убивают и грабят во имя вот этого долга. Долг благороден, когда он помогает нам обуздать животные инстинкты в себе. Для людей, стоящих на низком уровне развития и неспособных следовать иным идеалам, долг по-своему полезен, но кто желает стать *карма-йогом*, тот должен отречься от чувства долга. Для нас с вами долга не существует. Отдайте людям все, что можете отдать, но не из чувства долга. Откажитесь от всякой мысли о долге. Но не заставляйте себя. Зачем вам заставлять себя? *Все, что вы делаете вынужденно, усиливает вашу привязанность.* Зачем вам долг? Пусть Бог руководит вами. В пылающем горниле, где пламя долга всех сжигает, пейте из чаши нектар и будьте счастливы. Мы просто исполняем волю Бога, и это никак не связано ни с воздаянием, ни с наказанием. Если вы стремитесь к воздаянию, вы должны быть готовы и к каре, и единственный способ избежать ее есть отказ и от награды. Единственный способ избежать несчастья есть отречение от идеи счастья, ибо они взаимосвязаны. На одной стороне счастье, на другой — несчастье. На одной стороне жизнь, на другой — смерть. Единственный способ выйти за пределы смерти — отречься от жажды жизни. Жизнь и смерть — одно и то же явление, увиденное с разных точек. Мечта о счастье без несчастья, о жизни без смерти хороша для маленьких

⁴² Источник не установлен. Текст выражает мироощущение бхакти.

⁴³ Источник не установлен. Возможно, Вивекананда обращается здесь к одному из последних санскритских поэтов Бенгалии — Джаядеве, воспевавшему любовь Кришны и Радхи.

детей и школьников, мыслитель же улавливает тут терминологическое противоречие и отрекается и от того, и от другого. Не ищите ни похвалы, ни воздаяния за сделанное вами. Не успеем мы сделать доброе дело, как начинаем жаждать признания наших заслуг. Не успеем мы дать деньги на благотворительные цели, как уже ищем свое имя в газетах. Это не может не привести к страданию. Величайшие люди умирали непризнанными. И Будда, и Иисус — второстепенные герои по сравнению с теми великими людьми, о которых мир ничего не знает. Сотни безвестных героев жили в разных странах, тихо делая свое дело. Они тихо живут и тихо умирают, а со временем их помыслы находят свое выражение в таких личностях, как Будда или Иисус, которых мы чтим. Самые возвышенные люди не стремятся получить известность за то, что открылось им, что они познали. Они оставляют свои помыслы миру, самим же им ничего не нужно, они не создают ни школ, ни философских учений. Их природа противится этому — они чистые *саттвики*⁴⁴, которые не вмешиваются в ход вещей, а тают в любви. Я видел в Индии одного такого *йога*, живущего в пещере. Это самый поразительный человек, какого привелось мне видеть. Он до такой степени утратил чувство индивидуальности, что можно сказать, будто в нем исчез человек, осталось лишь божественное всепонимание. Если животное укусит его за руку, он готов подставить вторую, говоря, что такова воля Бога. Все, что приходит к нему, — все от Бога. Он не показывается людям, но он подлинное вместилище любви, истинных и нежных помыслов.

За такими людьми следуют по порядку те, в характере которых преобладает *раджас*, действенность, дух борьбы. Они воспринимают идеи совершенных людей и проповедуют их миру. Возвышеннейшие люди тихо накапливают в себе идеи истины и благородства, другие же, Будды и Иисусы, странствуют по миру, проповедуя эти идеи и трудясь ради них. Из жизнеописания Гаутамы Будды мы знаем, как он постоянно повторял, что является двадцать пятым Буддой. Двадцать четыре живших до него не известны истории, хотя тот, о ком мы говорим, строил на фундаменте, заложенном ими. Величайшие из людей спокойны, молчаливы и неизвестны, им действительно открылась сила мысли, они убеждены, что если даже укроются в пещере, не показываясь людям, и там им в головы придут пять истинных мыслей, то после того, как они умрут, эти пять мыслей будут жить вечно. Такие мысли способны проникать сквозь горные породы, пересекать океаны и распространяться по миру. Они оказывают могучее воздействие на сердца и умы людей, пробуждают к действию мужчин и женщин, которые находят им практическое выражение в житейских делах. *Саттвики* слишком близки к Богу, чтобы действовать и бороться, чтобы трудиться, сражаться, проповедовать или, как говорится, нести добро человечеству здесь, на земле. Те же, кто обладает активностью, как бы возвышенны они ни были, все-таки не изживают до конца невежество. Человек способен к труду только при условии, что он не обладает совершенной чистотой, ибо сама природа труда предполагает мотивацию и вовлеченность. Перед ликом вечно динамичного Провидения, пекущегося даже о падении воробышка, как может человек придавать какое бы то ни было значение тому, что он делает? Разве не святотатство это, раз нам известно, что Бог заботится обо всем сущем? Нам остается лишь благоговейно склониться перед Ним со словами: «Да свершится воля Твоя». Наиболее возвышенные души не способны трудиться, ибо в них нет привязанности. Не существует труд для тех, чья душа растворилась в самой себе, чьи желания поглощены Абсолютом, кто постоянно ощущает Абсолют. Они выше всех людей, остальные же обязаны трудиться. Но, трудясь, мы не должны допускать и мысли о том, будто способны помочь даже самой малой из форм земной жизни. Нет, не способны. Мы просто помогаем самим себе пройти школу жизни. И это — единственно правильное отношение к работе. Приняв его и ни на миг не забывая, что возможность трудиться есть великий дар, нам данный, мы не испытаем привязанности к тому, что делаем. Миллионы таких, как мы с вами, размышляют о своей большой значимости, но все мы умрем, и через пять минут мир забудет нас. А жизнь Бога не знает пределов. «Кто может хоть миг прожить, хоть раз вздохнуть, если не будет на то воли Всемогущего?»⁴⁵ Речь о вечно динамичном Провидении, всесильном и всемогущем. По Его воле веют ветры и сияет солнце, живет земля и шествует смерть по земле. Он — все во всем, Он — все и во всем. Мы можем только поклоняться Ему. Отдадим Ему плоды всех наших трудов, а добро будем творить ради самого добра, и лишь тогда наступит полная отрешенность. Распадутся цепи, сковывающие сердце, и мы познаем совершенную свободу. Эта свобода и составляет цель *карма-йоги*.

⁴⁴ *Саттвики* — то есть те, чье телесное естество насыщено гуной саттва. См. выше примеч. 3 и 28.

⁴⁵ Сотносится с Тайттирия-упанишадой., II, 7, 1.

Глава VIII

ИДЕАЛ КАРМА-ЙОГИ

Величайшая мысль в религии *веданты* заключается в том, что различные пути могут привести к одной и той же цели. Я уже говорил, что существуют четыре основных пути: пути труда, любви, психологии и знания⁴⁶. Следует, однако, помнить, что это разделение условно и пути никак не исключают друг друга, скорее каждый сливается со всеми другими. Мы говорим о четырех путях, имея в виду их преимущественные особенности. Не в том дело, что существуют люди, способные только трудиться, как нельзя отыскать людей, для которых нет иного пути, кроме любви, или тех, кто живет одним знанием. Подразумеваются здесь различные наклонности разных типов людей. В конце же все пути сливаются, становясь одним. Все религии, все способы трудиться и почитать Бога ведут к одной и той же цели.

Я уже пытался обрисовать эту цель. Она состоит в свободе, как я понимаю ее. Все вокруг нас стремится к свободе, от атома до человека, от пылинки, лишенной восприятий, до высочайшего, что есть на свете, — человеческой души. Можно сказать, что вся вселенная есть результат стремления к свободе. В любой комбинации частиц каждая частица стремится вырваться на свободу, но другие удерживают ее. Наша Земля стремится улететь от Солнца, а Луна от Земли. У всего сущего есть стремление к бесконечному рассеянию. Все на свете имеет своей основой стремление вырваться на свободу.

Под воздействием этого импульса возносит молитвы святой и грабит на большой дороге разбойник. Когда эта сила толкает нас на несправедливые поступки, мы называем ее злом, когда она проявляется в благородных и возвышенных деяниях — добром. Но импульс один и тот же — стремление к свободе. Святого подавляет сознание своей порабощенности, и, стремясь вырваться на волю, он обращается к Богу. Грабителя мучает мысль о том, что он не имеет доступа к достоянию других, и, желая освободиться от этого чувства, он выходит на большую дорогу. Свобода есть цель, к которой устремлена вся природа, живая и неживая, поэтому сознательно или неосознанно, но все тянется к ней. Для святого свобода означает совсем не то, что для разбойника. Свобода, любимая святым, обещает ему нескончаемое и невыразимое блаженство, разбойник жаждет выполнить свое желание, забывая, что душа его так и останется несвободной.

К освобождению зовут все религии, стремление к свободе составляет основу всей морали, суть самоотречения, для достижения которого необходимо усвоить, что человек есть нечто значительно большее, нежели его маленькое тело. Когда мы видим, что человек занят добрыми делами, помогает другим, это означает невозможность для него замкнуться в ограниченном пространстве «я и мое». Самоотречение беспредельно. Все великие этические нормы требуют от человека полного бескорыстия. Но представим себе, что человек научился отказываться от всякой корысти, — что будет с ним? Он перестанет быть незначительным г-ном имярек, он утратит свою ограниченность, он больше никогда не поместится в рамки своей маленькой индивидуальности. Теперь он вместил в себя все, и именно к этой цели ведут все религии, вся мораль и философские учения. Персоналист пугается⁴⁷, столкнувшись с философским выражением этой идеи, но если он учит нравственности, то, по сути, он именно эту идею и исповедует, ибо он не выставляет ограничений человеческому бескорыстию. Допустим, что человек стоит на позициях персонализма, но ведет себя при этом совершенно бескорыстно. Чем он отличается от совершенного человека, придерживающегося иных взглядов? Он ведь отождествляет себя со всей вселенной, а все направлено как раз к этой цели, так что бедному персоналисту просто недостает отваги сделать конечный вывод из своих логических построений. *Карма-йога* есть достижение свободы через труд без корысти, свободы, к которой от природы стремится человек. Поэтому любой корыстный поступок замедляет наше продвижение к цели, и поэтому существует только одно определение того, что такое нравственность: *все корыстное — безнравственно, все бескорыстное — нравственно*.

Эта формулировка утрачивает простоту, если вникнуть в детали. Прежде всего, как я уже говорил, многое зависит от конкретных условий. Действие, бескорыстное в одних условиях, может оказаться бескорыстным в других. Поэтому дать можно только общее определение, а конкретные детали должны быть приведены в соответствии с различиями времени, места и обстоятельств. Нормы поведения различаются в разных странах: то, что в

⁴⁶ Так Вивекананда называет четыре пути соединения с Наивысшим, разработанные в индийской традиции; соответственно: карма-йога, бхакти-йога, раджа-йога и джняна-йога.

⁴⁷ Здесь: тот человек, который выше всего ставит свою индивидуальность и свободу человеческой самостоятельности. Персонализм — направление философии, особенно популярное в Америке со второй половины XIX в. Основные его характеристики: признание человеческой индивидуальности как наивысшей, сопричастной Абсолюту (или Богу) сущности; обоснование права личности на полную свободу выбора поведения (как благого, так и дурного), за которое несет ответственность только сам человек (Бог не несет никакой ответственности).

одной из них считается нравственным, может считаться безнравственным в другой. Свобода есть цель всей природы, но достигаться эта цель может только совершенно бескорыстными методами; любая бескорыстная мысль, слово или дело приближают нас к цели, а потому являются нравственными. Очень легко убедиться в том, что это общее определение не противоречит ни одной религии, ни одной этической системе. Некоторые из этих систем делают мораль производной от высшего существа, от Бога. Если спросить, почему человек должен поступать так, а не по-иному, то ответом будет: потому что такова заповедь Бога. Но на что бы они ни опирались, в их этическом кодексе центральное место займет все тот же завет — не думать о себе, а отказаться от себя. Тем не менее, есть люди, которых, несмотря на приверженность нравственным идеям, смущает мысль о необходимости отречения от своего маленького «я». Такого человека можно попросить подумать о том, что происходит с «я» того, кто совершенно бескорыстен, кто совсем не думает о себе, не вымолвит и слова о себе, ничего для себя не станет делать, — где его «Я»? Оно же существует, только пока он говорит, думает и хлопочет о себе. Если человек отдает все свои помыслы другим, миру и всему сущему, то где тут его «Я»? Оно навеки растворилось.

Таким образом, карма-йога есть религиозно-этическая система, направленная на достижение свободы через самоотречение и добрые дела. Карма-йогу нет нужды ни в какой доктрине. Он может и не верить в Бога, не задаваться вопросом о сущности души, не интересоваться никакими метафизическими спекуляциями. Перед ним стоит определенная цель — стать бескорыстным, а сделать это может только он сам. Этому должен быть посвящен каждый миг его жизни, ибо одним трудом, не опираясь ни на доктрины, ни на теории, предстоит ему разрешить проблемы, которые джняна-йога решает при помощи логики и вдохновения, а бхакта — при помощи возвышенной любви.

Тогда возникает следующий вопрос: а в чем состоит этот труд? Что означает делать добрые дела? Можем ли мы нести миру добро? В абсолютном смысле — нет, но в относительном — да. Невозможно творить долговечные добрые дела. Будь это возможно, мир был бы иным. Можно накормить голодного, но очень скоро он вновь почувствует голод. Какую бы радость мы ни доставили ближнему, она мимолетна. Никто не в силах излечить перемежающуюся лихорадку удовольствия и страдания. Разве можно дать миру вечное счастье? Разве может океан поднять волну, чтобы за ней не образовалась впадина? Во все времена добро одинаково соотносилось с человеческими потребностями и человеческой жадностью. Добра не стало ни больше, ни меньше. Возьмите историю рода человеческого, как мы ее сегодня знаем. Всегда те же горести и радости, те же страдания и наслаждения, те же различия между людьми. Кто богат, кто беден, кто знатен, кто нет, кто здоров, кто хвор. Так было у древних египтян, у греков и римлян, так и в сегодняшней Америке. Сколько бы мы ни углублялись в историю, мы найдем в ней то же самое, но и все время будем видеть борьбу за облегчение человека от неизлечимых зол. В каждый исторический период появлялись тысячи личностей, неустанно трудившихся ради облегчения жизни других. Чего же удалось им достичь? Перед нами — игра, в которой мячик перегоняется с места на место. Избавляем человека от физических страданий, а он испытывает душевные муки. Это походит на картину дантовского ада, где скряги вкатывают ком золота на гору. Они все стараются, а ком все скатывается назад. История прошедших тысячелетий хороша для школьников, не более того. Все народы, мечтающие о счастливой жизни, надеются, что все счастье достанется именно им. Какое уж тут бескорыстие!

Мы не в силах добавить миру счастья. С другой стороны, добавить ему страданий тоже не в наших силах. Сумма энергий удовольствия и страдания, проявляющихся в мире, остается неизменной. Мы можем перераспределять ее, но она останется все той же, ибо такова природа вещей. Приливы и отливы, подъемы и спады — в природе нашего мира, и утверждать обратное было бы столь же логично, как предполагать возможность жизни без смерти. Это полная бессмыслица, так как сама идея жизни предполагает смерть, а сама идея удовольствия предполагает страдание. Светильник постепенно выгорает, и в этом его жизнь. Желая жить, мы должны ежеминутно умирать. Жизнь и смерть — всего лишь разные выражения одного явления или одно явление, увиденное в разных ракурсах, подъем и спад одной волны, две ипостаси единого целого. Просто один наблюдает спад и становится пессимистом, другой — подъем и становится оптимистом. Ребенок ходит в школу, отец с матерью заботятся о нем, и жизнь кажется малышу прекрасной, его потребности просты, и он — великий оптимист. Старик же, повидавший в жизни разное, относится к ней прохладней, и пыл его остыл. Так и древние народы, живущие в окружении руин, меньше бывают склонны к оптимизму, чем юные нации. В Индии есть присловье: тысячу лет город и тысячу лет джунгли. Это превращение города в джунгли и наоборот происходит повсюду, а люди, в них живущие, проявляют оптимизм или пессимизм в зависимости от того, какая фаза пришлась на них.

Теперь нам нужно рассмотреть идею равенства. Эта концепция в течение тысячелетий обладала огромной побудительной силой, и многие религии включают ее в себя: Бог снизойдет на землю, и тогда все люди будут равны. Те, кто верит в эти вещи, — просто фанатики, но фанатики составляют искреннейшую часть человечества. Этот фанатизм способствовал распространению христианства, религии, очень привлекательной для рабов Греции и Рима. Им хотелось верить, что не станет рабства, у всех будет еда и питья в достатке, и они стекались под знамена христианства. Конечно же, они были невежественны и фанатичны, но вера их была искренней. В наши дни мечта о грядущем счастье — это мечта о равенстве, мечта о свободе, равенстве, братстве. Это тоже фанатизм.

Настоящего равенства на земле никогда не было и быть не может. Как мы можем все быть равными друг другу здесь? Этот вид равенства немислим — он означал бы тотальную смерть. Что делает наш мир таким, каков он есть? Утрата равновесия. Совершенное равновесие существовало в начальной форме мироздания, которая именуется хаосом. Какие же силы сформировали вселенную? Борьба, состязание, конфликт. Представьте себе, что все частицы материи удерживаются в полном равновесии. Разве начался бы процесс сотворения мира? Ученые знают, что это невозможно. Стоит потревожить водную гладь, чтобы увидеть, что каждая частица стремится возвратиться к состоянию покоя, сталкиваясь с другими частицами. Точно таким же образом все в том, что мы зовем вселенной, все, что составляет ее, стремится вернуться в состояние полного покоя и равновесия. Новое возмущение — и новое перераспределение, и творение. Неравенство есть основа всякого творения. Но в то же время силы стремления к равенству так же необходимы в этом процессе, как и силы противоположного действия.

Полное равенство, которое означало бы полное равновесие всех противоборствующих сил, невозможно в нашем мире. Оно недостижимо, ибо мир станет непригодным для любой формы жизни и жизни в нем не останется. Иными словами, все эти тысячелетние идеи об абсолютном равенстве не только неосуществимы, но и попытка их осуществления должна неизбежно вести нас к гибели. Что составляет разницу между одним человеком и другим? В основном это различие в мозговом аппарате. Только сумасшедший может утверждать, будто люди рождаются с одинаковыми мозгами. Мы приходим в этот мир, одаренные в разной степени — одни сильнее, другие слабее, и от этой разницы, предопределенной еще до нашего рождения, никуда не деться. Американские индейцы тысячелетиями жили в вашей стране, пока сюда не переселилась горстка ваших предков. Но как изменили они облик страны! Если все равны, то почему индейцы не освоили эту землю, не построили на ней города? Ваши предки привезли сюда мозговую энергию другого типа, другие впечатления прошлых жизней, которые и проявили себя здесь. Абсолютное отсутствие различий означает смерть. Пока существует этот мир, будут и должны быть различия, и царство полного равенства наступит лишь тогда, когда придет к концу цикл сотворения. До того момента равенство неосуществимо. Однако стремление к равенству есть великая побудительная сила. Как необходимо для процесса сотворения неравенство, так необходима для него и сила, устремленная к равенству. Если бы не было борьбы за освобождение и за возвращение к Богу, то не было бы и сотворения. Различие между этими противоборствующими силами и определяет природу человеческой мотивации: одних она направляет в сторону порабощения, других — к освобождению.

Колеса внутри колес — вот ужасный механизм нашего мира. Стоит ему зацепить нас, и мы оказываемся вовлеченными. Все мы думаем, что, выполнив определенную работу, мы отдохнем, но как только мы эту работу успеваем сделать, так нас уже ждут новые дела. Всех нас затягивает могучий, сложный механизм мира. Есть лишь два способа избавиться от него. Один состоит в том, что можно перестать заботиться об этом механизме, позволить ему действовать и стать в сторонку, оставив желания. Сказать это легко, а сделать почти невозможно. Не уверен, под силу ли это одному на двадцать миллионов человек. Есть и другой способ — вступить в мир и овладеть тайной труда, это путь *карма-йоги*. Не избегайте механизма мироздания, но, оставаясь внутри него, учитесь работать. Можно освободиться из колес, правильно трудясь внутри механизма, найти выход через сам механизм.

Вот мы рассмотрели вопрос о том, что такое труд. Он лежит в самой основе природы и продолжается вечно. Верующие лучше понимают это, поскольку им ясно, что Бог не настолько беспомощен, чтобы нуждаться в нашей поддержке. Хотя вселенная будет существовать вечно, наша цель — освобождение, наша цель — самоотречение, а *карма-йога* учит нас идти к этой цели через труд. Мечта сделать этот мир счастливым местом пребывания для всех может быть прекрасна, как побудительная сила для фанатиков, но следует помнить — фанатизм приносит столько же зла, сколько и добра. *Карма-йог* спросит: зачем нужно побуждение к труду иное, чем наша природная любовь к свободе? Поднимитесь над повседневными побуждениями. «На труд имеете вы право, но не на плоды его»⁴⁸, Человек может научиться понимать этот завет и следовать ему, скажет вам *карма-йог*. Когда мысль о правильном труде станет частью его естества, он перестанет нуждаться в других побудительных мотивах. Давайте делать добро, потому что это доброе дело — делать добро, а кто делает добро с целью, даже с целью попасть в рай, связывает себя по рукам и ногам, скажет вам *карма-йог*. Поступок, совершенный с мало-мальски корыстным мотивом, вместо того чтобы освободить нас, опутывает человека новыми цепями.

Итак, единственный путь — отказаться от всех плодов труда, отстранить себя от них. Помните, что этот мир — не мы, мы не есть этот мир, помните, что мы не просто наши тела и что на самом деле мы не трудимся. Мы — частицы Целого, пребывающего в вечном покое. Почему же мы должны быть несвободны? Скованными чем бы то ни было? Конечно, это очень хорошо говорить, что мы должны быть ни к чему не привязаны, но как это осуществить? Всякий поступок, который мы совершаем без задней мысли, не только не опутывает нас новыми цепями, но разбивает звено уже существующих. Всякая добрая мысль, которую мы преподносим миру, не рассчитывая на вознаграждение, останется в мире, разомкнет цепь, сделает нас чище, а потом еще чище, пока не станем

⁴⁸ См.: Бхагавадгита, II, 47; III, 19; IV, 20; XVIII, 6-7.

мы чистейшими из смертных. Однако все это может показаться донкихотством, философским умствованием, скорее теорией, чем практическим советом. Я знаком со множеством аргументов, направленных против «Бхагавадгиты», многие утверждают, что труд без мотивации невозможен. Утверждающие это никогда не сталкивались с проявлениями бескорыстия, свободного от воздействия фанатизма, поэтому они так говорят.

В заключение позвольте рассказать вам о человеке, который воплотил на практике учение *карма-йоги*. Его звали Будда, и он единственный, кто воплотил это учение полностью. Другие пророки и провидцы действовали самоотреченно, под влиянием внешних побудительных сил. За этим единственным исключением, мировых пророков можно разделить на две категории: одни считали себя воплощениями Бога, снизошедшего на землю, другие — только посланцами Бога. И те и другие трудились, направляемые побуждениями извне, и ожидали награды извне, сколь бы возвышенно-духовным ни был язык их посланий. Будда был единственным, кто сказал: меня не волнуют различные теории относительно Бога. Что толку вести ученые споры о душе? Надо творить добро и быть добрым. Это даст вам и свободу, и познание той истины, к которой вы стремитесь. По тому, как прожил он свою жизнь, видно, что он был свободен от всех личных мотивов. А есть ли на свете человек, который трудился бы больше, чем он? Укажите мне другого во всей истории человечества, кто воспарил бы выше, чем Будда. Род человеческий произвел на свет лишь одного такого, чья философия была столь возвышенна, а сострадание столь велико. Этот величайший философ, проповедовавший высочайшую философию, испытывал глубочайшее сочувствие ко всему живому и ничего не требовал для себя. Будда — идеал *карма-йоги*, действовавший безо всякой мотивации, и история человечества не знает равных ему: он обладал несравненным по величию сочетанием сердца и ума, величайшей духовной энергией, проявлявшейся когда-либо. Он был первым великим реформатором, явившимся миру, первым, кому достало смелости сказать: «Верьте не потому, что это записано в древних книгах, не потому, что весь ваш народ в это верит, не потому, что вы с детства приучены верить во что-то; все проверяйте разумом, а после того, как вы это проанализировали, если убедитесь, что это хорошо для всех и каждого, тогда верьте, живите этой истиной сами и помогайте жить другим». Лучше всех трудится тот, кто трудится без всякой корысти, не ради денег, не ради славы или чего-то еще. Кто сумеет это сделать, станет Буддой, и будет исходить из него энергия, способная преобразить мир. Такой человек и есть наивысший идеал *карма-йоги*.